

ТОМАС ВАЛЬТЕР

НАСЛЕДИЕ ГНЕВА

Наследие гнева

Томас Вальтер

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Звонок из бездны

Глава 2: Чужой дом

Глава 3: Диагноз постфактум

Глава 4: Цифровой след

Глава 5: Эхо Оклахомы

Глава 6: Осада правды

Глава 7: «Эксперты» по культам

Глава 8: Пазл смерти

Глава 9: Мишени высокого уровня

Глава 10: Русский след

Глава 11: Изгой

Глава 12: Последний выстрел

Пролог

Джунгли долины Йа-Дранг, Вьетнам, ноябрь 1965 года. Воздух был густым и липким, пропитанным запахом гниющей листвы, напалма и свежей крови. Рядовой первого класса Николас Харрисон лежал в грязи, прижимаясь к корням огромного баньяна. Его дыхание вырывалось со свистом, а правая нога горела огнем — осколок мины прошел по касательной, но разорвал мышцы. Рядом, перезаряжая винтовку М-16 дрожащими от адреналина руками, сидел Майкл Зенгер. Они были отрезаны от своего взвода, окруженные невидимым врагом, который сливался с зеленой стеной джунглей.

«Эй, Ник, ты еще с нами?» — прохрипел Зенгер, сплевывая грязь. Его лицо было перемазано камуфляжной краской и копотью, но глаза, ярко-голубые, горели безумным, яростным огнем. «Я никуда не собираюсь, Майк. Не сегодня», — ответил Николас, затягивая жгут на бедре. Боль была ослепляющей, но страх отступил, уступив место холодной решимости. Они были морпехами. Они были Дельтой.

В ту ночь ад разверзся на земле. Вспышки трассеров разрезали темноту, крики раненых смешивались с чужой речью. Они отбивались спина к спине, двое парней из разных концов Америки, связанные теперь крепче, чем братья. Зенгер вытащил Николаса из-под минометного обстрела, получив пулю в плечо, но не бросил друга. Позже, в полевом госпитале в Дананге, под гул винтов эвакуационных вертолетов, они дали друг другу слово. Если они выживут, если выберутся из этой мясорубки, их семьи станут одной семьей.

«Если у меня будет дочь, а у тебя сын, — сказал тогда Майкл, глядя в потолок палатки, — мы их поженим. Чтобы наша кровь смешалась. Чтобы никто больше не был одинок в этом дерьмовом мире». Николас рассмеялся, несмотря на боль: «Договорились, брат. Договорились».

Прошли десятилетия. Война закончилась, но она никогда не покидала их полностью. Майкл вернулся в Атланту, а позже нашел хороший участок земли в штате, построил ранчо. Коллекционировал и окружал себя оружием, словно ожидая новой атаки. Николас уехал в Вашингтон, строя карьеру, которая в итоге привела его сына в ЦРУ. Они сдержали слово. Их дети, Роберт и Элизабет, поженились. Родился внук,

названный Майклом в честь деда. Казалось, круг замкнулся, и старая клятва, данная под огнем вьетнамских джунглей, принесла плоды.

Но война умеет ждать. Она прячется не в джунглях, а в глубинах человеческой психики, передаваясь через поколения как проклятие. Старики учили внука стрелять, передавая ему свое мастерство, свою гордость и, возможно, свою невысказанную боль. Они не знали, что готовят солдата для другой войны — войны, где враг невидим, где поле битвы — это школьный коридор, а оружие направлено не на вражеских солдат, а на невинных детей.

За два дня до того, как мир Роберта Харрисона рухнул, его тесть Майкл Зенгер погиб. Официальная версия — несчастный случай на рыбалке, падение с моста. Старый вояка, прошедший Вьетнам, утонул в реке, в то время, когда рядом был любимый внук. Никто тогда не обратил внимания на странный холод в глазах подростка. Никто не знал, что это была лишь первая жертва. Клятва, данная в 1965 году, обернулась кровавым финалом, которого никто из них не мог предвидеть.

Глава 1: Звонок из бездны

Кондиционированный воздух в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли всегда имел специфический привкус — смесь озона от перегретых серверов, дешевого кофе и стерильной, почти хирургической чистоты. Для Роберта Харрисона этот запах был запахом дома, более привычным, чем аромат свежескошенной травы или домашнего ужина.

В свои пятьдесят один год Харрисон занимал должность в международном аналитическом отделе. Его кабинет, лишенный окон, был его крепостью. На трех мониторах перед ним пульсировала жизнь планеты, разложенная на графики, спутниковые снимки и перехваченные сообщения. Сомали, Йемен, Сирия — горячие точки, где он когда-то ползал по грязи с винтовкой в руках, теперь превратились для него в наборы данных. Он искал паттерны. Он искал угрозы. Он был хорош в этом.

Роберт умел предсказывать взрывы за тысячи миль от Вашингтона, основываясь на колебаниях цен на зерно или частоте радиопереговоров в пустыне.

Он считал, что держит руку на пульсе мира. Какая ирония.

На часах было 14:15. Вторник. Обычный вторник, ничем не отличающийся от сотен других. Роберт заканчивал отчет по активности военизированных группировок в районе Африканского Рога. Его пальцы привычно бегали по клавиатуре, выстраивая логические цепочки, которые должны были лечь на стол директора к вечеру.

Телефонный звонок на личный мобильный, лежавший экраном вниз на краю стола, разрезал тишину кабинета. Роберт нахмурился. В Лэнгли не приветствовались личные звонки в рабочее время, и немногие имели этот номер. Он перевернул телефон. Номер был незнакомым, код города — Атланта.

Сердце пропустило удар, но не от предчувствия беды, а от раздражения. Он только что вернулся из Атланты. Всего два дня назад он стоял там под моросящим дождем на похоронах своего тестя, Майкла Зенгера. Старик, прошедший ад Вьетнама, нелепо погиб, упав с моста во время рыбалки. Роберт тогда едва дождался окончания церемонии. Ему нужно было обратно, к своим отчетам, к своей важной работе. Он даже не остался на поминки, бросив сыну дежурное «держись» и уехав в ночь.

— Харрисон, — коротко бросил он в трубку, не отрывая глаз от монитора.

— Мистер Роберт Харрисон? Отец Майкла Харрисона? — голос на том конце был мужским, тяжелым, лишенным эмоций. Голос человека, который привык сообщать плохие новости.

— Да. Кто это?

— Это капитан Дэвис, полицейское управление Атланты. Мистер Харрисон, вам лучше присесть.

Роберт замер. Курсор на экране продолжал мигать в конце недописанного предложения о поставках оружия.

— Я сижу, капитан. Что случилось? Майкл? Элизабет?

Пауза на том конце провода длилась, казалось, вечность. В этой тишине Роберт слышал, как где-то в коридоре смеются коллеги, обсуждая планы на ланч. Этот смех показался ему кошунственным, хотя он еще не знал почему.

— Мистер Харрисон, в старшей школе, где учится ваш сын, произошла стрельба.

Мир Роберта сузился до размеров телефонной трубки. Стрельба. Скулшутинг. Слово, которое он часто видел в сводках новостей, но которое всегда касалось *других* людей, *других* детей, *других* семей.

— Майкл ранен? — голос Роберта дрогнул, но профессиональная выдержка взяла свое. Он уже просчитывал логистику: ближайший рейс, госпиталь, страховка.

— Нет, сэр. Майкл не ранен... то есть, не в том смысле, — капитан Дэвис тяжело вздохнул. — Ваш сын, Майкл... Он был стрелком, мистер Харрисон.

Слова ударили его, как физический удар в солнечное сплетение. Воздух вышел из легких.

— Что вы несете? — прошептал Роберт. — Майклу шестнадцать. Он играет в футбол. Он...

— Он открыл огонь в кампусе, — голос полицейского стал жестче, официальнее. — Есть жертвы. При задержании он оказал сопротивление. Он ранил офицера полиции. Ответным огнем... Мистер Харрисон, ваш сын погиб. Мне очень жаль.

Телефон выскользнул из вспотевшей ладони и с глухим стуком ударился о стол. Роберт смотрел на свои руки. Те самые руки, которые учили Майкла держать удочку, когда тому было семь. Те самые руки, которые подписывали чеки на алименты и дорогие подарки, чтобы откупиться от воспитания.

Майкл мертв. Майкл — убийца.

Эти два факта не укладывались в голове. Они были как масло и вода, отказываясь смешиваться. Его сын, названный в честь деда-ветерана. Внук двух морпехов. Обычный здоровый подросток, которого он видел всего 48 часов назад.

Роберт вспомнил их последнюю встречу. Кладбище. Майкл стоял чуть в стороне от могилы деда, опустив голову. Он казался таким... обычным. Подросток в черном

костюме, который был ему слегка велик. Роберт тогда подошел к нему, положил руку на плечо.

«Как ты, боец?» — спросил он тогда. «Нормально, пап. Все нормально», — ответил Майкл, не поднимая глаз. «Ну, бывай. Держись. Слушайся мать».

И всё. Это были последние слова, которые он сказал своему сыну. «Слушайся мать». Какая банальная, пустая, никчемная фраза. Он не спросил, что у парня на душе. Он просто сел в свой арендованный седан и уехал спасать мир, оставив собственного сына тонуть в бездне, о существовании которой даже не подозревал.

Роберт медленно поднялся. Ноги казались ватными. Он взял пиджак, висевший на спинке стула.

— Боб? Ты куда? У нас совещание через десять минут, — в дверях показалась голова коллеги, молодого аналитика по имени Стив.

Роберт посмотрел на него так, словно видел впервые.

— Мой сын умер, — сказал он. Его голос звучал чужим, механическим.

Стив застыл, улыбка сползла с его лица, но Роберт уже прошел мимо, направляясь к лифтам. Ему нужно было на воздух. Ему нужно было в Атланту.

Дорога до аэропорта Даллеса прошла как в тумане. Роберт вел машину на автопилоте, нарушая скоростной режим, но ему было плевать. В голове крутилась карусель образов.

Майкл в пять лет: смеется, сидя у него на плечах в Диснейленде. Майкл в десять: показывает грамоту за победу в школьной олимпиаде, а Роберт кивает, не отрываясь от телефона. Майкл в четырнадцать: они на стрельбище у деда. Старый Майкл Зенгер учит внука держать винтовку. «У парня талант, Роб! Смотри, как кладет кучно!» — кричал тогда тесть. Роберт чувствовал гордость. Теперь это воспоминание вызывало тошноту. Они дали ему навык, но никто не потрудился проверить, что творится у него в голове.

В самолете Роберт не мог сидеть спокойно. Он подключился к Wi-Fi и, преодолевая дрожь в пальцах, открыл новостную ленту.

Заголовки кричали. «КРОВАВАЯ БОЙНЯ В ШКОЛЕ АТЛАНТЫ». «ПОДРОСТОК ОТКРЫЛ ОГОНЬ ПО ОДНОКЛАССНИКАМ». «СТРЕЛОК ЛИКВИДИРОВАН».

На одной из фотографий, сделанных с вертолета, он увидел тело, накрытое желтой простыней на асфальте школьного двора. Из-под ткани виднелся кроссовок. Белый «Найк» с красной полосой. Роберт купил ему эти кроссовки месяц назад. Отправил посылкой на день рождения. Майкл даже не позвонил, чтобы сказать спасибо, просто прислал смайлик в мессенджере.

Роберт закрыл глаза, откинув голову на подголовник. Как он мог это пропустить? Он — аналитик ЦРУ. Человек, чья работа — видеть невидимое, читать между строк, предсказывать поведение преступников на другом конце света. Как он мог не заметить, что один такой растет в его собственной семье?

Он вспомнил Элизабет. Бывшая жена, наверное, сейчас сходит с ума. Их брак распался тихо, без битья посуды, просто растворился в его командировках и ее желании «красивой жизни». Она всегда хотела блистать, быть в центре внимания, но в итоге осталась одна в пригороде Атланты, растолстевшая, озлобленная на весь мир, с сыном-подростком на руках. И с этим новым... как его? Том. Роберт видел его на похоронах тестя. Скользкий тип с бегающими глазами, от которого разило дешевым бурбоном даже утром. Майкл старался держаться от отчима подальше.

Почему Роберт не забрал сына? Почему не настоял, чтобы Майкл переехал к нему в Вашингтон? *«Потому что тебе было некогда», — ответил внутренний голос. — «Потому что подросток в доме — это проблемы, это шум, это ответственность. А ты любишь тишину и свои отчеты».*

Самолет коснулся полосы в аэропорту Хартсфилд-Джексон. Атланта встретила его душной влажностью и сиренами. Казалось, весь город выл.

Роберт взял такси прямо до морга округа Фултон. Он не поехал к Элизабет. Он не мог сейчас видеть ее, слышать ее истерику, ее обвинения, которые, он знал, будут справедливыми. Сначала он должен был увидеть сына. Он должен был убедиться. Часть его мозга, та самая аналитическая часть, все еще надеялась на ошибку. Может быть, Майкл просто оказался рядом? Может быть, он был жертвой, а полицейские перепутали? Может быть, кто-то украл его документы?

Здание морга было серым и неприветливым, окруженным репортерскими фургонами. Журналисты, как стервятники, уже кружили вокруг, выискивая сенсации. Роберт натянул кепку ниже на глаза и прошел через кордон, показав свое удостоверение. Удостоверение ЦРУ действовало на местных копов магически — они расступались, не задавая лишних вопросов.

Внутри пахло формалином и безысходностью. К нему вышел детектив, звонивший ему несколько часов назад. Капитан Дэвис выглядел измотанным, с красными глазами и пятном от кофе на рубашке.

— Мистер Харрисон? — спросил он, протягивая руку. — Я не думал, что вы доберетесь так быстро.

— Я должен его увидеть, — сказал Роберт. Его голос был твердым, как сталь, но внутри все дрожало.

— Сэр, это... зрелище не из приятных. Пулевые ранения... Полицейские действовали по инструкции. Он стрелял в них, сэр. Он ранил офицера Родригеса в плечо. У них не было выбора.

— Покажите мне моего сына, — перебил его Роберт.

Дэвис кивнул и повел его по длинному коридору, выложенному кафелем. Звук их шагов эхом отдавался от стен. Каждая секунда этого пути казалась Роберту шагом на эшафот.

Они вошли в прохладную комнату. Посредине стояла каталка. Санитар в зеленом халате вопросительно посмотрел на детектива. Дэвис кивнул.

Санитар взялся за край простыни и медленно потянул ее вниз.

Роберт Харрисон, ветеран боевых действий, офицер разведки, видевший последствия терактов и массовых казней в Африке, почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Это был Майкл. И в то же время это был не он. Лицо мальчика было бледным, почти восковым. На щеке была ссадина — вероятно, от падения на асфальт. Но страшнее всего было выражение его лица. Даже после смерти оно не было умиротворенным. Рот

был слегка приоткрыт, словно в беззвучном крике, а глаза... Глаза были закрыты, но Роберт помнил их взгляд на похоронах деда. Пустой. Холодный.

На груди Майкла, там, где была разрезана черная тактическая футболка (откуда у него тактическая футболка?), виднелись темные, запекшиеся отверстия. Три выстрела. Кучно. В центр массы. Полицейские стреляли профессионально.

Роберт протянул руку и коснулся лба сына. Холодный. Неестественно холодный.

— Зачем? — прошептал он. — Зачем ты это сделал, Майки?

Ответа не было. Только гудение холодильных установок.

— Мы нашли при нем кое-что, — тихо сказал детектив Дэвис, нарушая тишину. — Рюкзак. Там были дополнительные магазины. И дневник. Мы пока не можем его вам отдать, это улика, но... там много странного, мистер Харрисон. Он писал о ненависти. О том, что мир должен заплатить.

Роберт не слушал. Он смотрел на руки сына. На пальцах правой руки были следы пороховой гари. Те самые пальцы, которые когда-то с трудом удерживали карандаш, выводя каракули.

— Он был один? — спросил Роберт, не отрывая взгляда от тела.

— Да, сэр. Свидетели говорят, он действовал в одиночку. Вошел через главный вход, сразу открыл огонь. Никаких сообщников. Классический сценарий шутера-одиночки.

Он знал о шутерах многое. Но Майкл? Его Майкл? Мальчик, который любил комиксы и боялся спать без света до десяти лет?

Роберт накрыл лицо сына простыней. Это движение поставило точку. Майкла больше нет. Есть только «подозреваемый», «стрелок», «тело».

— Я хочу забрать его вещи, — сказал Роберт, поворачиваясь к детективу.

В его глазах больше не было слез. В них зажегся холодный, опасный огонь — тот самый, который появлялся, когда он брал след в пустыне.

— Не улики. Личные вещи из дома. Я еду к его матери.

— Мистер Харрисон, сейчас там работает криминалистическая лаборатория. Дом оцеплен.

— Я сотрудник ЦРУ, детектив. Я пройду в этот дом, даже если мне придется штурмовать его.

Он вышел из морга в душную ночь Атланты. Город сверкал огнями, люди спешили по своим делам, не подозревая, что для Роберта Харрисона мир только что рухнул. Но на руинах этого мира начинало прорастать что-то новое. Не скорбь. Не отчаяние.

Вопросы.

Почему Майкл, который всего два дня назад стоял на похоронах деда, решил устроить бойню? Почему именно сейчас? И самое главное — откуда у шестнадцатилетнего подростка, живущего с матерью-домохозяйкой и отчимом-алкоголиком, навыки тактической стрельбы и хладнокровие убийцы?

Роберт достал телефон. На экране светилось уведомление о пропущенном вызове от Элизабет. Он смахнул его. Сейчас не время для женских слез.

Он вспомнил слова тестя, сказанные много лет назад, когда они только вернулись из Вьетнама: *«Враг всегда оставляет след, Бобби. Даже если он невидим, он приминает траву»*.

Роберт Харрисон сел в такси. — Куда едем? — спросил водитель. — В ад, — пробормотал Роберт, глядя на свое отражение в темном стекле. — Улица Вязов, дом 14.

Он еще не знал, что этот адрес станет началом пути, который приведет его к тайнам куда более страшным, чем смерть. Пути, в конце которого его ждало открытие, способное перевернуть не только его жизнь, но и историю страны. Но пока он был просто отцом, который опоздал. Опоздал на целую жизнь.

Глава 2: Чужой дом

Такси остановилось у бордюра, шурша шинами по влажному асфальту. Улица Вязов в пригороде Атланты выглядела так, словно сошла с открытки об «американской мечте»: аккуратно подстриженные газоны, баскетбольные кольца над гаражами, флаги на крыльце. Но дом номер 14 выбивался из этой идиллии, как гнилой зуб.

Желтая полицейская лента, уже порванная ветром, вяло трепетала, зацепившись за куст гортензии. На подъездной дорожке стоял старый пикап с вмятиной на бампере, а на крыльце валялись пустые банки из-под пива. Окна были темными, словно дом ослеп или стыдливо зажмурился.

Роберт Харрисон расплатился с водителем и вышел в душную ночь. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахом цветущих магнолий и надвигающейся грозы. Он поправил пиджак, нащупывая во внутреннем кармане удостоверение, хотя знал, что здесь оно ему вряд ли поможет. Здесь не действовали законы Лэнгли. Здесь была территория чужой боли и чужой грязи.

Он не был в этом доме три года. С тех пор как Элизабет окончательно перебралась сюда с Майклом, их общение сводилось к телефонным звонкам и редким встречам на нейтральной территории. Роберт смотрел на фасад, пытаясь угадать, за каким из окон была комната его сына. Того самого сына, чье тело он час назад видел на секционном столе.

Едва он ступил на дорожку, из тени соседнего дома отделилась фигура. Это была пожилая женщина в халате, прижимавшая к груди маленькую дрожащую собачку.

— Вы из полиции? — спросила она, щурясь в темноту. — Или репортер? Если репортер, то убирайтесь. Мы уже все сказали.

— Я отец Майкла, — ответил Роберт, останавливаясь.

Женщина ахнула, прикрыв рот ладонью. Собачка тихо тявкнула.

— О господи... Мистер Харрисон? Я вас не узнала. Вы так... постарели.

Роберт проигнорировал замечание. Его взгляд сканировал лицо соседки — миссис Ковальски, если память ему не изменяла. Она жила здесь еще до их развода.

— Что здесь происходило, миссис Ковальски? — спросил он прямо. — До сегодняшнего дня.

Женщина боязливо покосилась на дом номер 14, словно он мог ее услышать.

— Это был ад, Роберт. Просто ад, — зашептала она, подходя ближе. — Этот мужчина, Том... Он появился полгода назад. Сначала все было тихо, но потом начались крики. Почти каждую ночь. Стены у нас тонкие, вы же знаете. Он орал на Лиззи, орал на мальчика.

— Полиция приезжала?

— Трижды за последний месяц! — она подняла три пальца. — Мы сами вызывали, когда казалось, что он их убьет. Патрульные приезжали, говорили с ними на пороге и уезжали. Лиззи никогда не писала заявление. Она боялась его, Роберт. Видели бы вы, как она сжалась, когда он смотрел на нее. А Майкл...

Голос соседки дрогнул.

— Что Майкл?

— Мальчик старался не бывать дома. Он сидел на крыльце допоздна или уходил в парк. А когда Том напивался, он называл Майкла... — она запнулась. — Он говорил ему гадости. Что он нахлебник, что он такой же бесполезный, как его папаша. Простите.

Роберт почувствовал, как сжимаются кулаки. Ногти впились в ладони. Значит, «бесполезный папаша». Пока он анализировал угрозы национальной безопасности в кондиционированном кабинете, его сын жил в зоне боевых действий, где враг спал в соседней комнате.

— Спасибо, миссис Ковальски, — сухо сказал он и двинулся к крыльцу.

— Будьте осторожны! — крикнула она ему в спину. — Он там. Том там. А Лиззи увезли.

Роберт поднялся по ступеням. Дверь была не заперта. Он толкнул ее, и она со скрипом отворилась, впуская его в затхлый полумрак прихожей. Пахло несвежей едой, дешевым табаком и перегаром.

В гостиной работал телевизор, освещая комнату синеватым мерцанием. На диване, заваленном одеждой и коробками из-под пиццы, сидел мужчина. Том. Он был крупным, рыхлым, с сальными волосами, спадающими на лоб. В руке он держал стакан с чем-то темным.

Увидев Роберта, он не встал. Лишь медленно повернул голову, и его глаза, мутные от алкоголя, сузились.

— А, явился, — прохрипел он. Голос был густым, тягучим. — Герой-разведчик. Спаситель отечества.

Роберт молча прошел в центр комнаты, осматриваясь. На полу валялась разбитая ваза. На стене, где раньше висели семейные фото, теперь было пустое место с торчащим гвоздем.

— Где Элизабет? — спросил Роберт. Его голос звучал тихо, но в этой тишине была угроза, которую Том, в силу опьянения, не уловил.

— В дурке твоя Элизабет, — хохотнул Том, отпивая из стакана. — Свихнулась, когда копы пришли. Верещала как резаная. «Мой мальчик, мой мальчик!» Увезли ее. Вкатили успокоительного и увезли. Так что ты зря приперся. Хозяйки нет.

— Я пришел не к ней. Я пришел в комнату сына.

Том резко поставил стакан на столик, расплескав жидкость.

— Нет у тебя сына! — рявкнул он, пытаясь встать, но пошатнулся. — Твой выродок — убийца! Ты видел новости? Он копа подстрелил! Из-за него теперь и меня таскать будут. Из-за твоего психованного щенка!

Роберт сделал шаг навстречу. Он двигался плавно, как хищник.

— Не смей, — произнес он. — Не смей говорить о нем.

— А то что? — Том наконец поднялся. Он был выше Роберта и тяжелее килограммов на тридцать, но это был вес жира и отеков, а не мышц. — Ты думаешь, ты крутой, потому

что носишь значок? Ты никто здесь. Это мой дом. Я плачу за аренду... ну, Лиззи платит, но я здесь мужик. А ты бросил их. Ты знаешь, что я ему говорил? Я говорил: «Твой папаша плевать на тебя хотел». И я был прав!

Слова ударили сильнее, чем кулак. Потому что это была правда. Искривленная, грязная, но правда. Но сейчас Роберт не мог позволить себе вину. Вина придет позже. Сейчас нужна была холодная ярость.

— Уйди с дороги, Том, — сказал Роберт.

— Пошел вон! — взревел сожитель и замахнулся. Это был неуклюжий, широкий замах пьяного драчуна.

Роберт даже не моргнул. Он перехватил руку Тома в запястье, сделал короткий шаг вперед и надавил на болевую точку под локтем. Том взвыл и согнулся пополам. Роберт толкнул его обратно на диван. Тот рухнул в гору грязного белья, хватая ртом воздух.

— Сиди здесь, — приказал Роберт, не повышая голоса. — Если встанешь, я сломаю тебе руку. А потом вторую. И поверь, полиция Атланты скажет мне спасибо.

Том затих, баюкая ушибленную руку и глядя на Роберта со смесью страха и ненависти. В его глазах читалось понимание: перед ним не просто бывший муж, а человек, который умеет причинять боль профессионально.

Роберт отвернулся и пошел по коридору. Он помнил планировку. Вторая дверь слева.

Дверь в комнату Майкла была закрыта. На ручке виднелись следы черного порошка — криминалисты уже поработали здесь, снимая отпечатки. Желтая лента была наклеена крест-накрест, но уже разрезана. Роберт толкнул дверь.

Комната встретила его тишиной и запахом подростка — дезодорант, старые кроссовки, пыль от компьютера.

Роберт щелкнул выключателем. Свет безжалостно озарил убежище его сына.

На первый взгляд, это была обычная комната шестнадцатилетнего парня. Постеры рок-групп и футбольной команды «Атланта Фэлконс» на стенах. Стол, заваленный

учебниками и тетрадами. Мощный игровой компьютер с двумя мониторами — подарок Роберта на прошлое Рождество. Кровать была не заправлена, одеяло сбито в ком.

Но Роберт, привыкший анализировать места преступлений и тайные квартиры террористов, видел другое.

Он видел идеальный порядок на полках с играми — диски стояли строго по алфавиту. Он видел, что жалюзи на окнах были плотно закрыты и заклеены по краям скотчем, чтобы ни один луч света не проник внутрь. Это была не просто комната. Это был бункер.

Роберт подошел к столу. Полиция забрала системный блок компьютера — на полу сиротливо лежали перепутанные провода. Но они оставили мелочи, которые казались им несущественными.

Он выдвинул ящики стола. Школьные принадлежности, старые батарейки, какие-то чеки. Ничего.

Роберт сел на кровать сына. Матрас прогнулся под его весом. Он провел рукой по подушке. Здесь спал его сын. Здесь он видел сны. Здесь он, возможно, планировал свою смерть и смерть других.

— Что я упустил, Майки? — прошептал Роберт. — Где я был?

Он встал и начал методичный обыск. Не тот быстрый осмотр, который делают копы, ищущие оружие или наркотики. Он искал мысли.

Роберт окинул взглядом комнату. Его внимание привлекла вентиляционная решетка у самого пола, скрытая за ножкой стола. Слой пыли на ней был нарушен, а краска на винтах — свеженацарапана, словно их недавно откручивали.

Он опустился на колени и поддел край решетки перочинным ножом. Винты поддались легко. Сняв металлическую панель, Роберт сунул руку в пыльную темную шахту. Пальцы почти сразу наткнулись на что-то твердое. Это был старый смартфон с треснувшим экраном. Видимо, предыдущая модель, которую Майкл спрятал, когда получил новый. Роберт нажал кнопку питания. Экран не загорелся — батарея села. Он сунул телефон в карман. Возможно, там сохранились старые переписки, удаленные с основного устройства.

Там же он нащупал что-то твёрдое, завернутое в старую футболку. Обычная школьная тетрадь с рисунком спирали на черной обложке.

Роберт открыл ее. Это был дневник. Почерк Майкла был мелким, острым, с сильным нажимом.

«12 октября. Дед звонил. Опять рассказывал про джунгли. Он единственный, кто понимает, что мир — это война. Мама снова плакала из-за Тома. Я ненавижу этот звук. Я хочу, чтобы наступила тишина».

Роберт перелистнул несколько страниц.

«3 ноября. В школе все идиоты. Они смеются, но они не знают. Они думают, что жизнь — это вечеринки и футбол. Они не видят бездну. Я вижу».

Записи становились все более мрачными, отрывистыми. Рисунки на полях — оружие, взрывы, странные геометрические фигуры. Но это было типично для депрессивного подростка. Роберт искал причину, триггер.

Между последними страницами дневника была вложена тонкая брошюра. Дешевая бумага, плохая печать. На обложке — схематичное изображение человека, разрывающего цепи, и заголовок крупными красными буквами: «ОПАСНОСТЬ КУЛЬТОВ: КАК ЗАЩИТИТЬ СВОЙ РАЗУМ».

Роберт нахмурился. Странное чтение для подростка. Он перевернул брошюру. Никаких выходных данных. Ни издательства, ни авторов, ни адреса типографии. Только текст внутри — плотный, написанный сложным, псевдонаучным языком, перемежающийся пугающими картинками людей с пустыми глазами.

Он пробежал глазами по абзацам. Текст говорил о «манипуляции сознанием», о «скрытых врагах», о системе подавления личности. Но тон был странным. Это не было похоже на религиозную проповедь. Это больше напоминало инструкцию по паранойе.

«Они хотят контролировать тебя. Они внедряют мысли в твою голову. »

Роберт сложил брошюру и убрал ее во внутренний карман пиджака, рядом с сердцем. Для Роберта, знавшего, как работает пропаганда, этот листок бумаги весил больше, чем пистолет.

Майкл не был религиозным. Он был обычным парнем. Откуда это у него?

Роберт оглядел комнату в последний раз. Его взгляд упал на полку с книгами. Среди фэнтези и комиксов стояла книга по истории США. Корешок был сломан, словно книгу часто открывали на одном и том же месте. Роберт вытащил ее. Она открылась на главе о событиях 90-х годов. Страницы были исчерканы маркером.

Он закрыл книгу и поставил ее на место.

В коридоре слышались шаги. Тяжелые, шаркающие. Том.

Роберт вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Он чувствовал тяжесть телефона и дневника в карманах. Это были улики. Технически, он крал их с места преступления. Но ему было плевать на протокол. Это было наследие его сына, и он не собирался отдавать его в руки равнодушных бюрократов, которые уже списали Майкла в утиль как «очередного психа».

Том стоял в дверях гостиной, держась за косяк. Он выглядел еще более жалким, чем раньше.

— Ты нашел, что искал? — сплюнул он. — Нашел доказательства, что ты воспитал монстра?

Роберт остановился напротив него.

— Я нашел доказательства того, что мой сын жил в аду, который ты ему устроил, — тихо сказал он. — И я обещаю тебе, Том: когда я закончу с этим, полиция займется тобой. За домашнее насилие, за все.

Лицо Тома побледнело, проступили красные пятна гнева.

— Ты мне угрожаешь? В моем доме?

— Это не твой дом, — отрезал Роберт. — Это дом моей жены и моего сына. А ты здесь просто паразит.

Он прошел мимо, задев плечом сожителя. Том дернулся, но не посмел его остановить.

Выйдя на крыльцо, Роберт вдохнул влажный ночной воздух. Гроза была уже близко. Где-то вдалеке сверкнула молния, осветив пустую улицу.

Он достал телефон и набрал номер своего старого друга в Вашингтоне, специалиста по кибербезопасности.

— Алло? — сонный голос в трубке. — Боб? Ты видел время?

— Мне нужно взломать телефон, — сказал Роберт, шагая к дороге. — Старая модель, андроид. И мне нужно пробить одну брошюру. Никаких авторов, только текст.

— Боб, ты в отпуске. Ты в Атланте. Это связано с... новостями?

— Это связано с моим сыном, Джим. Я высылаю тебе фото брошюры. Найди мне, кто это написал. И найди быстро.

Он сбросил вызов и посмотрел на темные окна второго этажа. Ему казалось, что он видит силуэт мальчика, прижавшегося к стеклу. Мальчика, который просил о помощи, но его никто не услышал. Ни мать, занятая своими страхами. Ни отчим, упивающийся властью. Ни отец, спасающий мир от террористов за океаном.

Роберт спрятал телефон. Первые капли дождя упали на асфальт, смывая пыль, но не смывая кровь, которая незримо покрывала этот город. Он поднял воротник пиджака и пошел прочь от дома, который должен был быть крепостью его сына, а стал его склепом.

В его руке был дневник, в кармане — телефон, а в голове — зарождающееся понимание: Майкл не просто сошел с ума. Кто-то помог ему сойти с ума. И этот «кто-то» был гораздо опаснее, чем пьяный отчим или школьные хулиганы.

Расследование началось.

Глава 3: Диагноз постфактум

Утро в Атланте началось не с рассвета, а с серой пелены дождя, который, казалось, пытался смыть грехи этого города, но лишь размазывал грязь по тротуарам. Роберт Харрисон сидел в кабинете капитана Дэвиса в полицейском управлении округа Фултон. Кофе в пластиковом стаканчике остыл полчаса назад, превратившись в горькую жижу,

но Роберт продолжал держать его, словно это был якорь, удерживающий его в реальности.

На столе между ними лежала папка. Тонкая. Слишком тонкая для шестнадцати лет жизни и восемнадцати минут смерти.

— Мы закрываем дело, мистер Харрисон, — произнес Дэвис, не поднимая глаз от бумаг. Он выглядел еще более уставшим, чем вчера в морге. — Для нас всё ясно.

Роберт медленно поставил стакан на стол.

— Ясно? — переспросил он. Голос был ровным, лишенным эмоций, тем самым тоном, которым он обычно докладывал о потерях личного состава. — Мой сын убил четверых, ранил семерых, вступил в перестрелку с полицией, используя тактические приемы, а вам всё ясно?

— Послушайте, — Дэвис снял очки и потер переносицу. — Я понимаю, вы ищете смысл. Но иногда смысла нет. Есть факты. Парень жил в неблагополучной обстановке. Отчим — алкоголик и абьюзер. Мать в депрессии. Отец... — он запнулся, но Роберт кивнул, принимая удар. — Отец отсутствует. У парня сорвало крышу. Это классический случай. «Одинокий волк», доведенный до отчаяния. Он взял винтовку деда, которую умел использовать, и пошел мстить миру.

— Он не просто «взял винтовку», — жестко возразил Роберт. — Я видел отчет баллистиков. Он стрелял короткими очередями. Он менял позиции. Он перезаряжался в движении. Этому не учат в Call of Duty. Этому учил его дед, да. Но психологический профиль... Одиночки, которые срываются из-за буллинга, обычно стреляют хаотично. Майкл действовал как машина.

Дэвис вздохнул, открывая папку.

— Мы опросили соседей. Они подтверждают: в доме были постоянные скандалы. Ваш сын был бомбой замедленного действия. Мы нашли в его компьютере историю поиска. Колумбайн, Паркленд, Сэнди-Хук. Он был одержим этим. Это подражание, мистер Харрисон. Эффект Вертера. Один псих делает это, другой смотрит по телевизору и повторяет.

— Подражание не объясняет хладнокровия, — Роберт встал. Стул с противным скрежетом отодвинулся назад. — Вы списываете это на бытовуху, потому что так проще. Потому что так не нужно копать глубже.

— А куда глубже? — Дэвис тоже поднялся, его лицо налилось краской. — Это не международный терроризм, Харрисон. Это ваша семейная трагедия, ставшая национальной бедой. Идите домой. Похороните сына. И дайте нам делать нашу работу.

Роберт вышел из участка, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Бюрократия была одинаковой везде — что в Лэнгли, что в полицейском участке Атланты. Система всегда стремилась к упрощению, к заполнению пустых граф стандартными формулировками. «Психически неуравновешен». «Семейные проблемы». «Влияние жестоких игр». Удобные ярлыки, которыми заклеивали дыры в понимании происходящего.

Следующей остановкой была школа, в которой учился Майкл.

Здание из красного кирпича было оцеплено, но у главного входа уже образовался стихийный мемориал. Горы цветов, плюшевые мишки, свечи, мокнущие под дождем. Плакаты «Мы помним», «Почему?», «Молитвы за наших ангелов». Роберт остановился у ленты ограждения. Он искал глазами фотографию Майкла. Её здесь не было. Здесь были фото жертв. Его сын был монстром, которого нужно было забыть.

Он прошел через кордон, снова используя удостоверение. Внутри школы пахло хлоркой — уборщики пытались отмыть кровь, но Роберту казалось, что запах беды, крови, горя, смерти въелся в стены навсегда.

Директор школы, мистер Томпсон, встретил его в своем кабинете. Он был бледен, руки дрожали. Рядом сидела женщина средних лет с усталым, интеллигентным лицом — школьный психолог, миссис Гейбл.

— Я не знаю, что вам сказать, мистер Харрисон, — начал директор, не глядя в глаза. — Мы все в шоке. Майкл был... он был частью нашего сообщества.

— Полиция говорит, он был изгоем, — сказал Роберт, садясь напротив. — Что его травили.

Миссис Гейбл покачала головой.

— Это неправда, — твердо сказала она. — Полиция ищет простой мотив. Но Майкл не был изгоем. Он играл в футбольной команде, был на хорошем счету у тренера. У него были друзья. Не душа компании, но и не одиночка, обедающий в туалете.

Роберт вспомнил статистику, которую читал в самолете. В большинстве случаев школьные стрелки — это не маргиналы, как принято считать. Многие из них — из благополучных семей, обычные подростки со своими хобби и увлечениями. Это не вязалось с образом забитого подростка, который мстит обидчикам.

— Тогда что произошло? — спросил Роберт. — Если его не травили, если он был «нормальным», почему он пришел сюда с винтовкой?

Психолог переглянулась с директором. В этом взгляде было что-то, что заставило инстинкты Роберта напрячься.

— Мистер Харрисон, — осторожно начала миссис Гейбл. — В последние полгода мы замечали изменения. Не внешние конфликты, нет. Внутренние. Майкл стал... нестабильным. У него случались перепады настроения. То он был эйфорически активен, строил грандиозные планы, то проваливался в апатию, мог сидеть на уроке, уставившись в одну точку.

— Подростковый возраст, — пожал плечами Роберт. — Гормоны. Плюс обстановка дома.

— Мы тоже так думали сначала, — кивнула она. — Но потом случился инцидент в раздевалке. Без причины. Он просто начал кричать, разбил шкафчик кулаком. Когда я с ним говорила, он не мог объяснить, почему. Он сказал: «Меня просто накрыло. Как будто кто-то переключил канал в голове».

Роберт почувствовал холодок вдоль позвоночника. «Переключил канал». Биполярное расстройство на лицо.

— Я настояла на том, чтобы Элизабет показала его специалисту, — продолжила психолог. — Школьный уровень здесь бессилен. Мы направили его к частному психиатру, доктору Эвансу. Он один из лучших в городе по подростковым расстройствам.

— И какой был диагноз?

— Биполярное аффективное расстройство, — тихо произнесла миссис Гейбл. — БАР. Это было неожиданно. Обычно оно манифестирует позже, или есть генетическая предрасположенность. Но у Майкла оно развилось стремительно, буквально за пару месяцев.

Биполярное расстройство. Роберт знал этот термин. Качели от мании к депрессии. Но чтобы это привело к массовому убийству?

— Он принимал лекарства?

— Да, доктор Эванс выписал препараты. Но, судя по всему... — она замолчала. — Мистер Харрисон, я видела много трудных подростков. Но с Майклом было что-то другое. Это не было похоже на обычную болезнь. Это было похоже на... борьбу. Словно внутри него жили два человека. Один — тот милый мальчик, которого мы знали. А второй — кто-то чужой, холодный и злой. И этот второй победил.

Роберт взял адрес доктора Эванса

Клиника доктора Эванса находилась в престижном районе Бакхед, в здании из стекла и стали. Здесь было тихо, играла ненавязчивая классическая музыка, а воздух пах дорогим парфюмом и антисептиком. Контраст с грязным домом на улице Вязов был разительным.

Доктор Эванс оказался молодым мужчиной, лет сорока, с нервными движениями и бегавшим взглядом. Когда Роберт представился, Эванс побледнел и попытался сослаться на врачебную тайну.

— Мой сын мертв, доктор, — Роберт положил удостоверение ЦРУ на стол поверх журналов записи. — Его тайна умерла вместе с ним. А вот ваша ответственность только начинается. Вы лечили его. Вы выписывали ему таблетки. И теперь он убийца.

Эванс сглотнул, ослабив узел галстука.

— Я... я сделал все по протоколу, — заговорил он быстро. — Диагноз был очевиден. Биполярное расстройство второго типа. Быстрая цикличность. Вспышки агрессии, сменяющиеся глубокой депрессией.

— Откуда это взялось? — Роберт сверлил его взглядом. — В нашей семье не было психических заболеваний. Дед прошел Вьетнам, я прошел Сомали. ПТСР — да. Но биполярка?

Эванс встал и подошел к окну, закрывая жалюзи. Он выглядел напуганным. Не просто обеспокоенным, а именно напуганным.

— Мистер Харрисон, вы не понимаете. Сейчас... сейчас это эпидемия. Вы не представляете, сколько подростков приходит ко мне с такими симптомами за последние два года. Статистика просто взлетела. И у всех одна картина: нормальный ребенок, потом резкое изменение поведения, агрессия, потеря эмпатии. Словно вирус.

— Вирус? — переспросил Роберт.

— Информационный вирус, — Эванс повернулся к нему, понизив голос почти до шепота. — Я пытался разобраться. Я говорил с коллегами. Мы видим рост случаев БАР, который не объясняется генетикой. Это внешний фактор. Конфликт в подсознании. Когда ребенку внушают одно, а реальность говорит другое.

Роберт напрягся.

— О чем вы говорите?

Эванс нервно оглянулся на дверь.

— Майкл рассказывал мне странные вещи. Не о голосах в голове, нет. О мыслях. Он говорил, что у него появляется желание... причинять боль. Желание «очистить мир». И это желание казалось ему чужим, но непреодолимым. Я пытался лечить это медикаментозно, глушить симптомы. Но... разумеется, препараты не могут вылечить такое заболевание полностью, но они временно снимают нервное напряжение, ставят барьер агрессии. Я строго-настрого наказывал Элизабет лично контролировать каждый прием. Но она... она панически боялась, что кто-то узнает о диагнозе сына. Для неё это было пятно на репутации. Она отнеслась к моим рекомендациям непростительно легкомысленно, убеждая себя, что всё не так страшно. В итоге я даже не знаю, принимал ли Майкл лекарства на самом деле или просто спускал их в унитаз.

— Но вы не искали причину, — закончил за него Роберт.

— Я пытался! — воскликнул Эванс, но тут же осекся. — Послушайте, мистер Харрисон. Я дам вам совет. Дружеский. Уезжайте. Оставьте это. Спишите на безумие, на ГМО, на видеоигры. Не копайте.

— Почему?

— Я не знаю. Но, недавно я обнаружил свою собаку убитой, а главврач больницы, где я консультирую, намекнул мне, чтобы я не лез не в свое дело. Сказал, что есть люди, которые очень не любят, когда психиатры начинают играть в детективов.

Эванс протянул Роберту листок бумаги.

— Я не могу вам помочь. Я боюсь за свою семью. Но есть человек... Она не боится. Или ей уже нечего терять.

Роберт взглянул на листок. Там было написано имя: *Сара (никнейм: TruthSeeker_99)*. И адрес электронной почты.

— Кто это?

— Блогер. Она занималась расследованием скулшутинга в других штатах. Она приходила ко мне полгода назад, задавала вопросы о росте биполярных расстройств. Я тогда выгнал её. Думал, очередная журналистка, ищущая хайп. Но теперь... теперь я думаю, она знала больше, чем я.

Роберт спрятал листок в карман.

— Спасибо, доктор.

— Не благодарите меня, — Эванс вытер пот со лба. — И, ради бога, не говорите никому, что я дал вам этот контакт. Майкл был хорошим парнем, мистер Харрисон. В те моменты, когда он был собой. Он плакал у меня в кабинете. Он говорил, что боится того, что сидит внутри него. Он не хотел убивать. Его заставили.

— Кто?

— Не «кто» в физическом смысле. А то, что поселилось у него в голове.

Роберт вышел из клиники. Дождь усилился. Атланта превратилась в серый, размытый акварельный рисунок.

Он сел в арендованную машину и несколько минут просто смотрел на капли, стекающие по лобовому стеклу. Пазл начинал складываться, но картинка выходила чудовищной.

Полиция видела «одинокого волка». Школа видела «внезапное помешательство». Психиатр видел «эпидемию искусственного биполярного расстройства».

А Роберт видел своего сына. Мальчика, который плакал в кабинете врача, боясь самого себя.

Он вспомнил вспышки агрессии, о которых говорила миссис Гейбл. Вспомнил слова Тома: «Психованный щенок». Все списывали это на переходный возраст, на развод родителей, на дурной характер.

Роберт достал телефон. На экране высветилось сообщение от его друга из Вашингтона: *«По той брошюре. Это не самиздат. Текст совпадает с материалами одной организации, которую прикрыли в Европе в 90-х. Но они всплыли здесь. Боб, это серьезно. Тебе нужно посмотреть на это под другим углом».*

Роберт завел двигатель. Он больше не был просто скорбящим отцом. Он снова был охотником. И зверь, убивший его сына, был где-то рядом. Он не знал его имени, не знал его лица, но он чувствовал его запах. Запах страха, которым пропитался кабинет доктора Эванса. Запах крови в школьном коридоре.

Он достал листок с именем блогера. *Сара.*

— Ну что ж, Сара, — прошептал Роберт, выруливая на мокрую трассу. — Давай посмотрим, что ты знаешь.

Впереди была долгая дорога, и Роберт Харрисон знал: пути назад уже нет. Диагноз «постфактум» был поставлен не только Майклу. Он был поставлен всему обществу, которое предпочло закрыть глаза и назвать это случайностью. Но Роберт собирался открыть эти глаза. Даже если для этого придется сломать веки.

Глава 4: Цифровой след

Дождь в Атланте не прекращался, превращая город в размытое пятно серых оттенков. Роберт Харрисон сидел в арендованном седане на парковке публичной библиотеки округа Де-Калб. Дворники ритмично смахивали воду, открывая вид на монументальное здание, которое казалось слишком спокойным для того, что Роберт собирался там найти.

В кармане пиджака лежал старый телефон Майкла. Джим, его друг из кибер-отдела, сработал быстро, взломав пароль за пару часов. То, что Роберт увидел внутри, заставило его кровь похолодеть сильнее, чем любой отчет о террористических ячейках в Сомали. Там не было переписок с друзьями, не было фотографий девушек или мемов. Там была бездна.

История браузера была вычищена, но Джим восстановил кэш. *«Эрик Харрис дневник», «Дилан Клиболд план», «Как сделать пропенговую бомбу», «Список жертв Колумбайн», «Божественный выбор».*

Майкл, его тихий, увлекающийся футболом сын, жил второй жизнью. Жизнью призрака, блуждающего по цифровым кладбищам.

Роберт проверил время. 11:00. Встреча была назначена здесь. Контакт, который дал перепуганный психиатр Эванс — некая «Сара», скрывающаяся под ником *TruthSeeker_99*. В ответном письме она не указала места встречи, лишь написала: «Приходи на работу. Секция нон-фикшн, ряд 400. Ищи книгу о социологии насилия. Я найду тебя сама».

Роберт вышел из машины, поднял воротник и направился ко входу. Библиотека встретила его запахом старой бумаги и тишиной, нарушаемой лишь шелестом страниц и приглушенным кашлем посетителей. Он поднялся на второй этаж. Ряд 400. Социология.

Он медленно шел вдоль полок, делая вид, что изучает корешки книг. Его профессиональный взгляд сканировал периметр. Камеры наблюдения — старые, с

«слепыми» зонами. Посетители — студент в наушниках, пожилой мужчина с газетой, молодая женщина с тележкой книг.

Женщина.

Она была невысокого роста, одетая в мешковатый свитер и джинсы. Темные волосы собраны в небрежный пучок. Когда она повернулась, чтобы поставить книгу на полку, Роберт заметил её лицо. Восточные черты — возможно, корни уходили в Среднюю Азию или на Ближний Восток. Высокие скулы, темные, настороженные глаза. На вид ей было около тридцати, но взгляд был тяжелым, как у человека, прожившего несколько жизней.

Она прошла мимо него, не поднимая глаз, и тихо произнесла: — «Анатомия человеческой деструктивности». Третья полка снизу.

Роберт замер. Он подождал несколько секунд, затем подошел к указанному месту. Достал книгу Фромма. Внутри лежал сложенный листок бумаги: *«Запасной выход через 5 минут. Не иди за мной сразу»*.

Они встретились в узком переулке за библиотекой, под козырьком, защищавшим от дождя. Женщина курила, нервно стряхивая пепел в лужу. Увидев Роберта, она выбросила сигарету и скрестила руки на груди.

— Вы Харрисон? — спросил она. Акцент был едва уловим, но присутствовал.

— Да. А вы Сара?

— Сара, Майя, Елена... Какая разница? — она горько усмехнулась. — Имена — это первое, что ты теряешь, когда начинаешь копать эту тему. Эванс сказал, вы из ЦРУ. Это правда?

— Это имеет значение?

— Имеет. Если вы здесь официально, я ухожу. Я не разговариваю с федералами. Они либо слепые, либо в доле.

— Я здесь как отец, — твердо сказал Роберт. — Мой сын мертв. И я хочу знать почему.

Женщина изучала его лицо несколько долгих секунд. Видимо, то, что она увидела в его глазах — боль, смешанную с решимостью, — убедило её.

— Хорошо, — кивнула она. — Меня зовут Алия. Но для всех здесь я Сара. Я блогер, но работаю в библиотеке, живу в квартире на окраине и стараюсь не отсвечивать. За исключением, конечно, моей блогерской жизни, которую я веду инкогнито.

— Эванс сказал, вы занимались расследованиями скулшутинга. И что ваш дом сожгли.

Алия невольно коснулась плеча, словно там был старый ожог.

— Я жила в Техасе. Вела блог, сопоставляла факты. Я заметила странности в делах стрелков. Не те, о которых говорят по телевизору — «буллинг», «видеоигры», «доступное оружие». Я нашла паттерны. Когда я подобралась слишком близко, мой интернет-бар сгорел. Полиция сказала — короткое замыкание. Но я нашла записку на пепелище: «Перестань, или сгоришь сама». Я переехала в Атланту, сменила имя, документы, закончила курсы визажиста. Но я не прекращала расследование.

— Что за паттерны? — Роберт шагнул ближе.

— Покажите мне, что у вас есть, — потребовала она.

Роберт достал телефон Майкла и открыл восстановленную историю поиска. Алия взяла гаджет, её пальцы быстро листали список. Её лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло узнавание.

— Классика, — пробормотала она. — Он не писал, верно? Только читал?

— Да. Мы не нашли никаких постов, никаких манифестов. Он был... тихим наблюдателем.

— «Призрак», — кивнула Алия, возвращая телефон. — Это самый опасный тип. Есть те, кто кричит о своей ненависти в соцсетях, постит фото с оружием — их обычно ловят или они просто позеры. А есть такие, как ваш сын. Они впитывают. Они сидят на форумах «колумбайнеров», читают биографии Харриса и Клиболда как священное писание.

— Колумбайнеры? — переспросил Роберт. — Я слышал этот термин, но думал, это просто фанаты.

— Это не фан-клуб, мистер Харрисон. Это субкультура смерти. Но она устроена хитрее, чем кажется. Там нет одного лидера, нет штаб-квартиры. Это сеть. Распределенная сеть, которая работает как вирус.

Она достала пачку сигарет, но передумала закуривать.

— Послушайте, ваш сын не просто интересовался стрельбой. Я многого не знаю, лишь какие-то крупницы. Но очень похоже, что ему промыли мозги. Через образы, музыку, видеоигры...

— Я нашел брошюру в его комнате. «Опасность культов».

— Черт... — она провела рукой по лицу. — Значит, они добрались до него и с этой стороны. Это их почерк. Создать проблему, а потом предложить решение, которое на самом деле является частью проблемы.

— Кто «они»?

— Давайте по порядку, — она оглянулась по сторонам. — Вы видели, что он искал? «Божественный выбор». «Стать известным». Это крючок. Они ловят подростков на тщеславии. Им внушают, что они ничтожества в обычной жизни, но могут стать богами, если переступят черту. В дневниках многих стрелков есть одни и те же фразы. Слово в слово. «Я бог», «Вы все муравьи», «Я решаю, кому жить». Это не их мысли, Роберт. Это загруженный код.

Роберт вспомнил слова школьного психолога о «двух личностях» Майкла. О том, как он менялся.

— Но почему Майкл? Он был нормальным парнем. Спортсмен, не изгой.

— Это миф, что стрелки — это забитые неудачники, — Алия горько усмехнулась. — Посмотрите статистику. Многие из них были успешными, социально адаптированными. Сергей Гордеев в России — отличник, шел на золотую медаль. Томас Крукс — награда по математике. Ваш сын — футболист. Профиль жертвы изменился. Теперь они ищут тех, у кого есть амбиции, но есть и скрытая трещина. Биполярное расстройство — это побочный эффект. Мозг не выдерживает, когда в него загружают программу убийства,

противоречащую естеству. Отсюда эти качели: от эйфории «я бог» до депрессии «я ничто».

Роберт слушал, и каждое слово падало тяжелым камнем в его душу. Он, аналитик ЦРУ, искал врагов за океаном, пока враг использовал интернет-кабель, чтобы проникнуть в спальню его сына.

— Вы сказали про паттерны, — напомнил он. — Что-то конкретное.

Алия глубоко вздохнула. Дождь усилился, барабания по металлическому козырьку.

— Есть один маркер. Он встречается пугающе часто, но полиция списывает это на совпадение или бытовуху. Перед тем как пойти в школу, за два-три дня до теракта, стрелок часто совершает «пробное» убийство.

Роберт нахмурился.

— Пробное?

— Убийство близкого человека. Родственника. Того, кого любит, и к кому он эмоционально привязан. Это своего рода тест. Чтобы убить чужих детей, нужно сначала убить в себе человека. А что может убить человечность быстрее, чем убийство того, кого ты любишь? Или того, кто имеет над тобой власть.

Сердце Роберта пропустило удар. В ушах зашумело.

— За два-три дня? — переспросил он хрипло.

— Да. Обычно это родители, братья, бабушки или дедушки. Иногда это выглядит как несчастный случай. Иногда как внезапная ссора. Но это всегда происходит накануне. Если они переступают через это, пути назад нет.

Роберт прислонился к кирпичной стене. Мир вокруг него покачнулся.

Майкл Зенгер. Дедушка. Ветеран Вьетнама. Человек, который научил Майкла стрелять. Два дня до стрельбы в школе. Рыбалка. Мост. Падение.

— Мой тесть... — прошептал Роберт. — Отец моей жены. Он погиб за два дня до этого. Упал с моста, когда они с Майклом были на рыбалке.

Алия посмотрела на него с сочувствием, в котором не было удивления.

— Он был старым? Больным?

— Ему было 68. Он был крепким как скала. Морпех. Он знал эту реку как свои пять пальцев.

— И они были одни?

— Да. Майкл прибежал к соседям, сказал, что дедушка поскользнулся.

Роберт закрыл глаза. Он вспомнил похороны. Вспомнил лицо сына. Майкл не плакал. Он стоял, опустив голову, и смотрел в землю. Роберт тогда подумал, что это шок. Теперь он понимал: это была пустота. Пустота человека, который только что уничтожил часть своей души.

— Он убил его, — голос Роберта был едва слышен. — Мой сын убил своего деда.

— Скорее всего, — тихо сказала Алия. — Это был триггер. Активация. Очень похоже, что, убив авторитетную фигуру, фигуру «защитника», он освободился от моральных ограничений. В их искаженной логике это делает их «сверхлюдьми».

Роберт почувствовал тошноту. Картинка складывалась, и она была чудовищной. Майкл не просто сорвался. Он действовал по сценарию. Кто-то написал этот сценарий, а его сын сыграл главную роль, уничтожив сначала свою семью, а потом себя.

— Как это возможно? — Роберт сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Как можно заставить ребенка сделать такое? Через интернет?

— Не только интернет, — Алия покачала головой. — Это комплекс. Игры, форумы, музыка, новости. Все это информация. Они создают информационный кокон. Вы слышали про Оклахома-Сити?

— Теракт 95-го? Маквей взорвал федеральное здание. При чем тут это?

— Колумбайнеры одержимы датами и символами. Харрис и Клиболд планировали свой теракт не просто так. Они хотели превзойти Маквея в количестве жертв. Это было найдено в их дневниках. А Маквей мстил за Уэйко.

— Уэйко? Осада поместья «Маунт Кармел»?

— Именно. Это цепочка мести, Роберт. Ваш сын, скорее всего, изучал Уэйко. Изучал Оклахома-Сити. Изучал Колумбайн. Это его «священная история».

Роберт вспомнил учебник истории в комнате Майкла. Закладка на 90-х годах. Исчерканные страницы. Он думал, парень просто готовился к экзамену.

— Откуда у вас вся эта информация? — спросил он, глядя на Алию. Впервые за много лет он не знал ответа.

— В свое время мой интерес к расследованию дел о скулшутингах привело меня к неким независимым журналистам. Есть целый документальный фильм, после которого как ответ на информационный взрыв с новыми данными о реальных причинах скулшутинга, стали появляться статьи других независимых журналистов, которые тщательно исследовали всю информацию, изложенную в фильме. В этой истории много пробелов, но одно можно сказать точно — скулшутинги — это не случайная трагедия. Это эпидемия, которую запустили целенаправленно и проектируется это определенными людьми. У меня есть больше информации, но сейчас, к сожалению, у меня не так много времени, чтобы рассказать вам все.

Алия взглянула на время на планшете.

— Вы из ЦРУ, — сказала она жестко. — У вас есть доступ к тому, чего нет у меня. Я могу найти следы в интернете, могу найти паттерны. Но я не могу узнать, кто стоит за кулисами.

Она протянула ему флешку.

— Здесь всё, что я собрала. Фильм, статьи. Скриншоты форумов, где очевидно сидел и ваш сын тоже. Анализ других случаев. Связи между стрелками. Изучите это. Но будьте осторожны, Харрисон. Те, кто сжег мой дом, не остановятся перед значком ЦРУ. Они играют в долгую.

Роберт взял флешку. Она была теплой от её рук.

— Почему вы помогаете мне? — спросил он.

Алия посмотрела на дождь, стеной стоящий за пределами их укрытия.

— Потому что я видела глаза матерей в Ювальде. В Паркленде. В Сэнди-Хук. И я не хочу больше их видеть. Если вы сможете остановить хотя бы одну такую тварь, которая дергает за ниточки... значит, мой дом и интернет-бар, где я работала, сторел не зря.

Она натянула капюшон.

— Уходите первым. И не приходите больше в библиотеку. Если вам что-то понадобится, пишите на тот же мейл. Используйте шифрование.

Алия растворилась в дожде так же быстро, как и появилась, оставив Роберта наедине с ужасной правдой.

Он вернулся в машину, но не завел двигатель. Он сидел, сжимая флешку в руке.

Майкл убил деда. Эта мысль пульсировала в висках. Старый Майкл Зенгер, герой войны, выживший в аду джунглей, погиб от руки собственного внука, которого любил больше жизни. И никто этого не заметил. Полиция списала на несчастный случай. Родственники — на возраст.

Роберт понял, что это меняет всё. Это больше не было историей о подростковом срыве. Это была история о хладнокровной, спланированной операции. Кто-то превратил сына в спящего агента. Буквально активировав его убийством родного человека. И направили в школу как живую бомбу.

Он вставил ключ в зажигание. Двигатель ожил.

Алия сказала искать корни в прошлом. Уэйко. Оклахома. Роберт знал эти названия. Он помнил их из новостей своей молодости. Но он никогда не смотрел на них под таким углом.

Если смерть его сына — это эхо выстрелов, прозвучавших тридцать лет назад в Техасе, то он должен услышать это эхо. Он должен понять, что на самом деле произошло в Уэйко. Почему эта трагедия стала топливом для костра, в котором сгорел его Майкл?

Роберт включил дворники. Дождь смывал грязь с лобового стекла, но он знал, что грязь, в которую он собирается погрузиться, не смыть никакой водой.

Он достал телефон и набрал номер своего старого наставника из Лэнгли, человека, который имел доступ к самым глубоким архивам Агентства.

— Привет, Билл, — сказал Роберт, выезжая с парковки. — Мне нужно всё, что у нас есть по осаде «Маунт Кармел». Не официальные отчеты ФБР. Мне нужно то, что под этим.

— Боб? Ты в своем уме? Это дело тридцатилетней давности. Зачем тебе это?

— Потому что, кажется, дело, начавшееся там, еще не закончилось, — ответил Роберт, глядя на серую дорогу, уходящую в туман. — И мой сын стал его жертвой.

Он нажал на газ. Охота началась. Но теперь он знал, что зверь, которого он преследует, питается не плотью, а историей. И чтобы найти его, придется погрузиться в прошлое.

Глава 5: Эхо Оклахомы

Дождь в Атланте сменился липкой, удушливой влажностью, которая проникала даже сквозь стены гостиничного номера. Роберт Харрисон сидел за столом, заваленным распечатками, а свет единственной лампы выхватывал из полумрака лицо человека, который перестал спать.

На экране ноутбука мерцала папка с файлами, скопированными с флешки Алии. Она назвала это «Паттерн». Роберт, привыкший искать закономерности в перемещениях террористических ячеек в пустынях Сомали, теперь смотрел на хронологию смерти, развернувшуюся в сердце Америки.

Он сделал глоток остывшего кофе и снова перечитал строки, которые его сын выделял желтым маркером в сохраненных PDF-файлах. Это были не просто исторические справки. Это было священное писание новой религии — религии ненависти.

19 апреля 1993 года. Осада «Маунт Кармел», Уэйко, Техас. Гибель 82 человек, включая 25 детей. **19 апреля 1995 года.** Теракт в Оклахома-Сити. Тимоти Маквей взрывает федеральное здание имени Альфреда Марра. 168 погибших. **20 апреля 1999 года.** Школа «Колумбайн». Эрик Харрис и Дилан Клиболд убивают 13 человек.

Роберт потер уставшие глаза. Даты выстраивались в жуткую линию.

— Почему двадцатое? — прошептал он в пустоту. — Почему они сдвинули дату?

Ответ нашелся в одном из текстовых документов, восстановленных с телефона Майкла. Это был фрагмент переписки с форума, где пользователи скрывались за никами вроде *DoomSlayer* и *NaturalSelector*.

«Харрис и Клиболд хотели 19-го. В годовщину. Чтобы закрыть гештальт Маквея. Но им не хватило патронов. Пришлось ждать сутки».

Роберт откинулся на спинку стула. Его сын, мальчик, который плакал, когда в детстве случайно раздавил улитку, читал это. И не просто читал — он проникся этими идеями.

В папке «Герои» (так Майкл назвал директорию) лежали биографии. Не рок-звезд, не футболистов. Тимоти Маквей. Эрик Харрис. Чо Сын Хи. Но текст был составлен хитро. Это не были сухие сводки преступлений. Это для него были истории о «борцах с системой».

Маквей описывался не как террорист, убивший детей в детском саду внутри федерального здания, а как солдат, мстящий за сожженных заживо детей в Уэйко. Харрис и Клиболд представляли не психопатами, а мучениками, которые восстали против школьной иерархии и лицемерия взрослых.

Роберт вспомнил слова Алии: *«Героизация. Им внушают, что стать убийцей — значит стать бессмертным. Что это единственный способ заставить мир услышать тебя».*

Он открыл файл под названием «Манифест справедливости». Это был коллаж из цитат, картинок и ссылок. В центре — фотография горящего ранчо в Уэйко. Под ней подпись, сделанная рукой Майкла (скан страницы из дневника): *«Они начали первыми. Мы просто отвечаем».*

Роберт почувствовал, как холодок пробежал по спине. «Они». Система. Государство. То самое государство, которому Роберт служил всю жизнь. Его сын видел в нем врага. И этот образ врага был создан не на пустом месте. Он был тщательно сконструирован.

На флешке были еще файлы. Но только Роберт собрался их открыть, на экране всплыло уведомление о новом письме. Это была Алия. Тема: *«Триггеры».*

«Харрисон, ты смотришь на даты? Маквей мстил за Уэйко. Колумбайнеры подражали Маквею. Твой сын хотел встать в этот ряд. Это цепная реакция. Чтобы остановить её, нужно понять, где был первый взрыв. Иди в библиотеку. Посмотри, что пишут про Уэйко в официальных источниках. А потом сравни с тем, что было у Майкла».

Роберт захлопнул ноутбук. Ему нужно было проветриться. И ему нужно было увидеть, как выглядит «официальная правда», которой кормили общество, и почему она проиграла той «правде», которую его сын нашел в темных углах интернета.

Центральная библиотека Атланты была монументальным зданием из бетона и стекла, памятником эпохи, когда люди еще верили в печатное слово. Роберт прошел через рамки металлоискателя — ирония, от которой сводило скулы, — и направился в отдел периодики и микрофильмов.

Он заказал подшивки газет за апрель 1993 года. *The New York Times*, *The Washington Post*, местные издания.

Через десять минут он сидел перед экраном аппарата для чтения микрофильмов, прокручивая пленку. Заголовки мелькали перед глазами, кричащие, обвиняющие.

«Культ смерти в Техасе» «фанатики готовят массовое самоубийство» «Дэвид Кореш: мессия или монстр?»

Роберт читал статьи. Язык был сухим, но эмоционально окрашенным. Журналисты, ссылаясь на источники в ФБР и АТФ (Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ), рисовали однозначную картину. Внутри ранчо «Маунт Кармел» засели опасные сектанты. Они насилуют детей. Они накапливают арсенал, чтобы атаковать правительство. Они зомбированы.

«Власти предпринимают все меры для мирного разрешения конфликта...»
«Агенты ФБР проявляют невероятную выдержку...»

Роберт остановился на статье от 20 апреля 1993 года. На следующий день после пожара. *«Массовое самоубийство в Уэйко. Сектанты подожгли себя, следуя приказу лидера».*

Официальная версия была гладкой, как отполированный гранит. Плохие парни отказались выходить. Хорошие парни пустили слезоточивый газ, чтобы выкурить их. Плохие парни в ответ подожгли здание и погибли. Конец истории.

Но Роберт был аналитиком. Он умел читать между строк. И он видел пробелы.

Где интервью с выжившими? Почему журналистов держали в миле от ранчо? Почему нет четких кадров начала пожара, только общий план дыма?

Он достал телефон и открыл сканы, найденные у Майкла. Это были совсем другие материалы. Вырезки из независимых расследований, отчеты, которые не попали на первые полосы.

«Танки проламывают стены, где прячутся женщины и дети». «Газ CS, закачанный в здание, является легковоспламеняющимся в закрытых помещениях». «Свидетельства о стрельбе снаружи по пытающимся выбраться из огня».

Контраст был ошеломляющим. Для Майкла, подростка с обостренным чувством справедливости и уже расшатанной психикой, это выглядело как доказательство глобального заговора.

— Они лгут, — прошептал Роберт, глядя на статью в *Washington Post*. — Они все лгут.

Он начал понимать логику сына. Если правительство могло сжечь 76 человека и назвать это «массовым самоубийством», то что мешает ему лгать обо всем. Кто дал Майклу эту структуру? Кто создал образ врага в сознании Майкла? Кто заботливо подсунул ему эти файлы, эти видео, эти интерпретации, зная, что эта информация в конечном итоге станет спусковым крючком для совершения скулшутинга?

Роберт вернул микрофильмы библиотекаря. Женщина улыбнулась ему дежурной улыбкой.

— Нашли, что искали? — Я нашел то, что хотели, чтобы я нашел, — ответил он загадочно и вышел на улицу.

Дождь прекратился, но небо оставалось свинцовым. Роберт сел в машину. Ему нужно было больше, чем газетные вырезки. Ему нужна была правда. Не та, что в интернете, и не та, что в библиотеке.

Он набрал номер. Гудки длились долго. Наконец, трубку сняли.

— Харрисон? — голос был настороженным. Это был Билл, его старый наставник, человек, который сейчас занимал высокий пост в архиве Лэнгли. — Ты не должен звонить по этой линии. Ты в отпуске.

— Мне нужно всё об Уэйко в 1993. Найди мне всю правду, а не то дерьмо, которое есть в СМИ.

— Я не могу сказать по телефону. Приезжай в Вашингтон. Встретимся в старом месте, в парке. И Боб... будь осторожен. Если ты начнешь копать под тех, кто консультировал ФБР в 93-м, ты наживешь врагов страшнее, чем сомалийские пираты. Эти люди до сих пор в игре. И они очень влиятельны.

— Я выезжаю, — сказал Роберт и нажал отбой.

Он сидел в машине, чувствуя, как внутри разгорается холодная ярость. Пазл складывался.

Уэйко не было просто трагической ошибкой полиции. Это была манипуляция. И те, кто стоял за этой манипуляцией — те самые «консультанты», — создали прецедент. Они создали прецедент, который теперь использовали, чтобы сводить с ума таких парней, как Майкл.

Роберт снова открыл файл на телефоне. Фотография Тимоти Маквея в оранжевой робе смертника. Под ней подпись: *«Я — хозяин своей судьбы. Я — капитан своей души»*.

— Нет, сынок, — прошептал Роберт. — Ты не был капитаном. Ты был торпедой. И кто-то нажал кнопку «пуск».

Он завел двигатель. Атланта оставалась позади. Впереди был Вашингтон — город памятников. Роберт Харрисон возвращался домой, но не как офицер разведки, а как отец, который собирался объявить войну призракам прошлого.

В голове крутилась фраза из статьи Алии, которую он прочел мельком: *«Чтобы создать убийцу, нужно сначала убить его веру в справедливость. А потом дать ему новую веру — веру в насилие»*.

Майкл искал справедливости. Он изучал историю, пытаясь понять, почему мир так жесток. Но вместо ответов он нашел ловушку. Ловушку, расставленную тридцать лет назад в техасской степи.

Роберт выехал на шоссе. Дождь снова начал накрапывать, словно оплакивая тех, кто сгорел в 93-м, тех, кто погиб под обломками в 95-м, и тех, кто не вернулся из школы два дня назад. Эхо Оклахомы звучало в шуме шин, и Роберт знал: пока он не найдет источник этого звука, тишины не будет.

Он вспомнил деда Майкла, старого морпеха. Тот говорил: *«На войне самое страшное — не пуля. Самое страшное — когда ты не видишь, откуда стреляют»*.

Теперь Роберт начинал видеть. Стреляли из прошлого. И прицел был наведен на будущее.

Глава 6: Осада правды

Вашингтон встретил Роберта Харрисона мелкой, пронизывающей моросью. Город памятников и белого мрамора казался серым, словно выцветшая фотография. Роберт не был здесь всего неделю, но ощущал себя так, будто вернулся из другого измерения — из мира, где его сын был жив, в мир, где он стал убийцей.

Он позвонил на личный номер Билла. Пауза на том конце провода была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Через час я буду на месте. Возьми все документы.

Встреча была назначена в парке Рок-Крик, подальше от камер и любопытных глаз Лэнгли. Билл, его старый наставник и ныне хранитель самых темных секретов архива, сидел на мокрой скамейке, кормя уток. Он выглядел постаревшим, ссутулившимся под тяжестью бежевого плаща.

— Это было тридцать лет назад. Зачем тебе это дерьмо?

— Потому что мой сын убил себя и других. Я знаю своего сына, Билл... Он и мухи не обидел бы. Но в его поисковой информации было много запросов, связанных с Уэйко. Выделена информация о том, что Маквей взорвал Оклахому из-за Уэйко. Потому что это чертов первородный грех, Билл. И я хочу знать, что там произошло на самом деле. Не версию ФБР для прессы. Не отчеты АТФ, где они прикрывают свои задницы. Я хочу знать, что видели *наши* ребята.

— Боб, ты ступаешь на тонкий лед. Это дело закрыто, зацементировано и похоронено. Там было много политики. Клинтон, Рино... Никто не хочет ворошить это.

— Мой сын мертв, Билл! — рявкнул Роберт. — Мне нечего терять. Я нашел у него материалы. Кто-то использует эту историю для вербовки. Они делают из детей бомбы. Если я не пойму, где правда, я не найду тех, кто это делает.

Билл молчал. Роберт слышал его тяжелое дыхание.

— Слушай, — наконец произнес наставник. — Ты прекрасно понимаешь, что официально я тебе ничего не дам. Но... есть одна папка. Это не пошло в отчеты Конгресса. Там есть транскрипты переговоров, которые не попали в прессу. И там есть имена консультантов.

— Консультантов?

— Да. Гражданских. Психологов, экспертов по культам. ФБР привлекло их, чтобы понять, как вести переговоры с Корешем. Но, судя по всему, эти ребята не хотели переговоров. Они нагнетали. Они убеждали федералов, что штурм неизбежен.

Роберт вспомнил брошюру «Опасность культов». Вспомнил слова психиатра Эванса о давлении.

— Имена, Билл. Мне нужны имена.

— Если ты начнешь копать под тех, кто консультировал ФБР в 93-м, ты наживешь врагов страшнее, чем сомалийские пираты. Эти люди до сих пор в игре. И они очень влиятельны.

— Ты рискуешь, Боб, — сказал Билл, не поворачивая головы. — Если кто-то узнает, что я вынес это из «Хранилища», меня не просто уволят. Меня сотрут.

— Моего сына уже стерли, Билл, — Роберт сел рядом, не глядя на друга. — точнее он стер себя физически. Мне нужно знать, с чего всё началось.

Билл тяжело вздохнул и подвинул по скамейке толстый конверт из плотной бумаги. Никакой электроники, никаких флешек. Только старая добрая бумага, которую нельзя взломать удаленно.

— Это операция «Троянский конь», — тихо произнес Билл. — Оперативные сводки, черновики отчетов, транскрипты переговоров, которые не вошли в итоговый доклад Конгресса. Официальная версия гласит, что в Уэйко сидели религиозные фанатики, которые решили совершить массовое самоубийство. Но то, что ты увидишь здесь... Это история о том, как хвост вилял собакой.

Роберт спрятал конверт под куртку.

— Кто был хвостом?

— Консультанты, — Билл наконец повернулся, и в его глазах Роберт увидел страх. — Гражданские специалисты. Эксперты по культам. Рик Росс, Стивен Хассен и их окружение.

Билл нервно оглянулся по сторонам и понизил голос: — Ты думаешь, всё началось со стрельбы? Нет, Боб. Всё началось с газетных заголовков и телеэфиров. Они начали очернять Дэвида Кореша задолго до того, как первая машина подъехала к ранчо.

А за день до штурма, 27 февраля, *Waco Tribune-Herald* начала публикацию серии статей «Грешный Мессия». Этот материал, целиком составленный из цитат Рика Росса и других антикультистов, безапелляционно клеймил людей в «Маунт-Кармел» как «деструктивный культ», готовящий «второй Джонстаун». Это была не журналистика, а информационная артподготовка, чтобы расчеловечить цели и заранее оправдать их уничтожение.

— Стивен Хассен сидел в студии программы Кэти Курик — это было ещё до начала активной фазы осады — и с умным видом объяснял нации, что в Уэйко сидят не люди, а запрограммированные биороботы. Они методично создавали образ врага, расчеловечивали их через СМИ, чтобы, когда начнётся бойня, никто не задавал лишних вопросов.

Билл тяжело вздохнул, его руки дрожали. — Они были там, Боб. Они сидели в штабе ФБР, пили кофе с руководителями операции и шептали им на ухо. Они убедили Бюро, что имеют дело не с людьми, а с монстрами. И Бюро поверило.

Роберт снял номер в неприметном мотеле на окраине Арлингтона. Задернув шторы и включив настольную лампу, он высыпал содержимое конверта на стол. Запах старой бумаги и пыли ударил в нос. Это был запах 1993 года.

Он начал читать.

Первые документы касались начала операции. Официальная история утверждала, что Дэвид Кореш и его последователи накапливали нелегальное оружие и готовили вооруженное восстание. Но отчеты агентов ATF (Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием) рисовали иную картину.

«Докладная записка от 30 июля 1992 года. Агент Агилера. Объект: Дэвид Кореш. Субъект предложил агентам провести полную инспекцию имеющегося оружия и лицензий на территории ранчо “Маунт-Кармел”. Предложение отклонено руководством».

Роберт перечитал строку дважды. Кореш приглашал их. Он был готов открыть двери. Если бы они вошли тогда, проверили документы и выпили чаю, никакой осады бы не было. 82 человека остались бы живы.

— Почему? — спросил Роберт в пустоту.

Ответ нашелся в следующем документе. Основанием для ордера на штурм стали показания некоего Дэвида Блока и Марка Брэ. Блок был бывшим членом общины. В примечании к его досье значилось: *«Субъект подвергся процедуре депрограммирования под руководством Рика Росса.»*

Роберт знал, что такое «депрограммирование». В 90-х это был эвфемизм для похищения и психологических пыток, целью которых было заставить человека отказаться от своих убеждений. И этот сломленный человек стал единственным источником информации о том, что в Уэйко якобы готовят наркотики и переделывают винтовки в пулеметы.

Роберт перевернул страницу и замер. Оказывается, что Марк Брё был слепым еще до того, как попал на ранчо Маунт Кармел. Федеральный судья подписал ордер, запустивший кровавую бойню, основываясь на «свидетельствах очевидца», который физически не мог видеть ни мишеней на стрельбище, ни пулеметов, о которых так красочно рассказывал.

Дальше шло описание самого штурма 28 февраля 1993 года. *«Группа захвата прибыла в фургонах для перевозки скота. Собаки на территории ранчо начали лаять. Агенты ATF открыли огонь по собакам. Последовал ответный огонь со стороны здания».*

Они стреляли первыми. Не члены Ветви Давидовой. Федеральные агенты. Они приехали не арестовывать, они приехали воевать.

Роберт отложил листок и потер виски. Его сын, Майкл, читал об этом на форумах. Для Майкла это было доказательством того, что государство — это машина убийства. И, черт возьми, глядя на эти документы, Роберт не мог с ним поспорить. Но Майкл не видел всей картины. Он видел злое государство, но не видел тех, кто дергал это государство за ниточки. Кто манипулировал сотрудниками ФБР и ATF.

Роберт углубился в материалы осады. 51 день. Почти два месяца в техасской степи.

В отчетах сквозила усталость. Агенты ФБР и ATF были измотаны. Напряжение, постоянное ожидание выстрела. В таком состоянии люди становятся внушаемыми.

Имя **Рик Росс** встречалось в документах пугающе часто.

Он был там с самого начала и до конца осады.

Роберт нашел транскрипт совещания штаба. *Агент ФБР:* «Они готовы выпустить детей. Кореш просит дать ему время закончить богословский труд о Семи Печатах».

Рик Алан Росс в это время в очередном интервью рассказывает о страшном опасном культе.

Но Рик Росс был не единственным.

Роберт наткнулся на документ с грифом «NOFORN» (не для иностранцев), хотя речь в нем шла именно об иностранце. **Игорь Смирнов**. В досье он значился как эксперт по психотехнологиям из Москвы.

Роберт похолодел. Он слышал о Смирнове. В узких кругах разведки его называли отцом психотронного оружия.

Игорь Викторович Смирнов (настоящее имя Игорь Викторович Абакумов) российский учёный, наиболее известный своей ролью в исследованиях по контролю над разумом в советскую эпоху и малоизученной области изучения человеческого поведения, которую он называл «психоэкологией». Его дед по материнской линии, Смирнов-Орнальдо, был известным гипнотизером.

Большая часть исследований Игоря Смирнова была посвящена дистанционному воздействию на сознание другого человека и программированию его психики и поведения. Применение разработанного Смирновым психотронного оружия включало в себя возможность воздействия на большие группы людей в различных целях. Например, для разжигания массовой агрессии в толпе или, наоборот, для подавления общественных беспорядков.

Что он делал в Техасе в 1993 году?

Он нашел отчеты о применении «психологического давления». *«Ночь 14 апреля. Трансляция звуков: визг кроликов, которых режут заживо. Тибетские мантры. Прожекторы направлены в окна всю ночь».*

Это была пытка. Пытка лишением сна, пытка звуком. И это делалось по совету людей, которые называли себя «экспертами по спасению от культов». Какая ирония. Они обвиняли Кореша в издевательствах над людьми, но сами превратили жизнь общины в кошмар.

Роберт представил своего сына. Майкл был чувствителен к звукам. В детстве он закрывал уши, когда гремел гром. Что чувствовал бы Майкл, если бы узнал, что его правительство включало детям звуки умирающих животных? «Он знал», — понял Роберт. — «На тех форумах, где он сидел, это обсуждали».

Но самое страшное было в конце папки. Финал. 19 апреля.

Официальная версия: ФБР пустило слезоточивый газ, чтобы выкурить людей, а сектанты подожгли себя. Документы из папки «Троянский конь»: *«Использован газ CS. В закрытых помещениях при высокой концентрации и наличии источников искр (светошумовые гранаты) газ является легковоспламеняющимся и взрывоопасным».* *«Танки М-60 разрушают стены здания, перекрывая пути эвакуации. Обрушение лестничных пролетов».*

Но самое страшное скрывалось в медицинских заключениях. Газ CS в таких чудовищных объемах действовал не просто как раздражитель. Он вызывал у детей настолько мощные мышечные судороги, что у них ломались кости позвоночника и конечностей. Все это напоминало пытку в газовой камере: матери видели, как их детей скручивает в агонии ещё до того, как вспыхнул огонь, но были бессильны помочь, сами захлебываясь от удушья

И, наконец, показания, в которых говорилось, что на кадрах инфракрасной съемки видны вспышки, которые могут быть интерпретированы как выстрелы со стороны правительственных позиций по людям, пытающимся покинуть здание

Роберт отбросил листок, словно он был раскаленным. Его руки дрожали.

Это же просто казнь. Спецслужбы, которыми манипулировали «консультанты», были уверены, что спасают мир от террористов, готовящих госпереворот. Им внушили этот бред. Им сказали: «Если вы не убьете их сейчас, они выйдут и начнут убивать вас». ФБР внушили: «Секта — это враг. Уничтожьте, или они уничтожат страну».

Один и тот же почерк. Одна и та же методология. Создать образ врага, дегуманизировать его («это не люди, это зомби/террористы»), накачать страхом и спровоцировать насилие.

Роберт встал и подошел к окну. Дождь усилился, превратившись в ливень.

В Уэйко погибли 25 детей. По некоторым источникам двое младенцев родились прямо во время осады. Тимоти Маквей, очевидно, был там и остается только догадываться, что он увидел? Не попал ли он под воздействие того психологического оружия, которое могло применяться? Через два года он взорвал здание в Оклахоме. А

через тридцать лет Майкл Харрисон, начитавшись об этом, взял винтовку и пошел в школу.

Это была цепная реакция, запущенная группой людей, которые называли себя «борцами с культами». И яркими представителями этой сети были Рик Росс, Стивен Хассен, очевидно, и Игорь Смирнов. И те, кто стоял за ними.

Медийная подготовка. **Информационный террор.** Роберт вспомнил блогершу Алию. Она говорила о том же. Сначала демонизация, потом уничтожение.

Он достал телефон Майкла, который теперь всегда носил с собой. Открыл папку с сохраненными файлами. Там была фотография горящего ранчо. И подпись, сделанная кем-то из администраторов форума.

Роберт понял, что его сын стал оружием возмездия в войне, которую он даже не понимал. Мог ли Майкл думать, как и Маквей, что мстит за невинных? Когда на самом деле он стал пешкой в руках тех же сил, что организовали Уэйко.

Как это возможно? Роберт начал чертить схему на обратной стороне гостиничного бланка.

1993: Антикультисты (Росс, Хассен, Смирнов) -> Манипуляция ФБР -> Бойня в Уэйко.

Результат: Радикализация общества, появление Маквея, рост ненависти к государству.

1999: Стрельба в школе «Колумбайн» -> рост скулшутинга во всем мире -> **2024:** те же нарративы используются в интернете -> скрытая манипуляция подростками (Майкл) -> Скулшутинг.

Круг замкнулся. Те, кто якобы боролся с «опасными культами», наделили эту борьбу тем, что создали сами. Они создали единственную опасную секту в мире — секту убийц, только они убивают чужими руками. Руками подростков. Руками людей, которым внушили ненависть к власти и государству.

В дверь постучали. Роберт мгновенно напрягся, рука потянулась к кобуре, которую он положил на тумбочку. — Уборка номера, сэр? — глухой голос за дверью. — Не нужно, — ответил он.

Шаги удалились. Но чувство тревоги не прошло. Билл предупреждал: эти люди влиятельны. Если они могли манипулировать директором ФБР в 93-м, то что они могут сделать с сотрудником ЦРУ сейчас?

Роберт собрал документы обратно в конверт. Ему нужно было уходить. Этот мотель больше не был безопасным. Но теперь у него было оружие страшнее пистолета. У него была правда.

Правда о том, что его страна была обманута. Правда о том, что его сын был не просто психопатом, а жертвой психологической операции, растянувшейся на три десятилетия.

Он вышел под дождь, чувствуя тяжесть конверта под курткой. В голове звучали слова из отчета о «психологическом давлении»: *«Цель — сломить волю к сопротивлению и вызвать состояние когнитивного диссонанса»*.

У Майкла был когнитивный диссонанс. Он любил деда, но убил его. Он хотел справедливости, но убил невинных. Его разум был разорван на части технологиями, которые в руках сети антикультовых манипуляторов стала оружием.

Роберт сел в машину. Он знал, куда ехать дальше. Имена Рика Росса, Стивена Хассена и Игоря Смирнова были лишь верхушкой айсберга. Ему нужно было найти тех, кто объединял их. Тех, кто создал эту сеть.

Он вспомнил брошюру «Опасность культов», найденную в комнате сына. Теперь он был уверен: если он найдет авторов этой брошюры, он найдет убийц своего сына.

Телефон в кармане вибрировал. Это было сообщение от Али: *«Ты нашел про Уэйко? Теперь ты понимаешь, почему они боятся? Это их “скелет в шкафу”. Но есть кое-что еще. Я нашла связь между консультантами из 90-х и современными центрами “реабилитации”. Они не исчезли, Харрисон. Они просто сменили вывески»*.

Роберт сжал руль. — Я иду за вами, — прошептал он, глядя на огни Вашингтона, расплывающиеся в дожде. — За каждым из вас.

Он включил передачу. Осада правды закончилась. Начинался штурм.

Глава 7: «Эксперты» по культурам

Дождь за окном безымянного мотеля на окраине, куда Роберт перебрался посреди ночи, петляя по трассе, чтобы сбить возможную слежку, не прекращался, превращая мир в размытое серое пятно. Роберт Харрисон сидел на продавленной кровати, окруженный ореолом сигаретного дыма и запахом старой бумаги. На столе перед ним лежали документы из папки «Троянский конь», которую передал Билл, и раскрытый ноутбук, чей экран был единственным источником света в комнате.

Роберт потер воспаленные глаза. Он привык иметь дело с врагами, у которых были флаги, идеологии и четкие границы. В Сомали он знал, где заканчивается территория полевого командира и начинается зона ответственности миротворцев. Но здесь, в сердце собственной страны, границы были стерты.

Он смотрел на имена, всплывшие в отчетах по Уэйко. Рик Росс. Стивен Хассен. Игорь Смирнов. Люди, которых ФБР и АТФ называли «экспертами». Люди, чьи «экспертные комментарии» по факту привели к гибели 86 человек, включая детей.

— Кто вы такие? — прошептал Роберт, вбивая имя Рика Росса в поисковую строку закрытой базы данных, доступ к которой у него все еще оставался, пока система не аннулировала его учетные записи.

Результат заставил его замереть.

Рик Алан Росс. Родился в 1952 году. Образование: средняя школа. Никаких ученых степеней по психологии, теологии или социологии. Но самое интересное было в разделе «Криминальное прошлое». 1975 год. Попытка ограбления ювелирного магазина в Финиксе. Росс и его сообщник пытались вынести драгоценности, угрожая муляжом бомбы. Приговор: четыре года тюрьмы.

Роберт откинулся на спинку стула, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Федеральное Бюро Расследований, элита правоохранительной системы США, во время самого критического кризиса с заложниками в истории страны консультировалось с... грабителем ювелирных магазинов. Человеком, который симулировал наличие бомбы.

И этот человек убеждал агентов, что Дэвид Кореш — опасный психопат, которого нельзя слушать.

— Ирония судьбы, — горько усмехнулся Роберт. — Вор кричит «держи вора».

Он продолжил копать. Как бывший уголовник стал ведущим экспертом по культам? Ответ крылся в слове, которое Роберт встречал в документах все чаще: **депрограммирование**.

В 70-х и 80-х годах в США действовала организация CAN — Cult Awareness Network («Сеть осведомленности о культах»). На бумаге они помогали семьям возвращать близких, попавших в секты. На деле это была криминальная структура, занимавшаяся похищением людей за деньги.

Роберт читал полицейские отчеты тех лет, которые никогда не попадали в широкую прессу. Методы «депрограммирования» напоминали пытки в Гуантанамо, только проводились они не над террористами, а над американскими гражданами в частных домах и арендованных фургонах.

«Субъекта похищают, часто с применением наручников и кляпов. Перевозят в изолированное место. Окна заколачивают. Лишают сна на несколько суток. Подвергают непрерывному психологическому давлению, оскорблениям, заставляют смотреть пропагандистские материалы, пока воля не будет сломлена».

Гонорары за такие «услуги» составляли от 25 до 50 тысяч долларов. Огромные деньги для того времени. Родители, напуганные историями о «страшных культах», закладывали дома, чтобы оплатить услуги таких людей, как Рик Росс или Стивен Хассен.

Роберт нашел информацию о Стивене Хассене. Еще один «гуру» антикультизма. В 1976 году он участвовал в насильственном депрограммировании члена Церкви Объединения. Парня похитили, связали, три дня не давали спать, угрожали сломать ноги и сделать инъекции наркотиков, если он не отречется от веры.

Роберт открыл файл с анализом деятельности CAN. Организация обанкротилась в середине 90-х после серии судебных исков. Самым громким было дело Джейсона Скотта — парня, которого похитили и пытали по заказу его матери. Суд присяжных был в ужасе

от методов «депрограмматоров» и присудил многомиллионную компенсацию, которая пустила CAN по миру.

Но люди остались. Рик Росс, Стивен Хассен — они никуда не исчезли. Они просто сменили вывески. Стали называть себя «консультантами по выходу», «экспертами по контролю сознания». Они стали медийными фигурами.

Роберт нашел запись эфира шоу *Today* с Кэти Курик за 1993 год. На экране молодой Стивен Хассен с умным видом рассуждал о том, что люди внутри ранчо в Уэйко — это «зомби», лишённые собственной воли, и что единственным языком, который они понимают, является сила.

— Вы создали монстра, — сказал Роберт экрану. — Вы убедили страну, что есть люди второго сорта, которых можно сжигать, травить газом и убивать, потому что у них якобы «неправильные» убеждения.

Он перевел взгляд на другую фамилию в списке консультантов Уэйко. **Игорь Смирнов**. Это имя было знакомо Роберту по службе. В США Смирнова называли «отцом психотронного оружия». Российский ученый, работавший на КГБ, разрабатывал методы воздействия на психику через подсознание.

Что он делал в Техасе в 1993-м? Согласно документам, Смирнов консультировал ФБР.

Смирнов использовал манипулятивные методы для воздействия на поведение человека путем внедрения скрытых сообщений. Эти приказы записывались на пленку и технически обрабатывались, чтобы скрыть их присутствие от сознания. Обходя критический анализ в сознании человека, эти команды внедрялись непосредственно в подсознание, побуждая человека выполнить их, полагая, что это его собственное сознательное решение. Для неподготовленного слуха такие технически обработанные записи скрытых команд звучали как визг свиней.

Как уже упоминалось, ФБР использовало методы психологического давления на осаждённых последователей Давида, один из которых включал громкие раздражающие звуки. Официальные отчёты ФБР и показания очевидцев указывают на то, что среди звуков, транслируемых через громкоговорители, были звуки забоя животных, в том

числе крики убитых кроликов. Это невольно напоминает визг свиней, использовавшийся в экспериментах Смирнова по контролю над разумом.

Роберт встал и начал ходить по номеру. Пазл складывался в чудовищную картину. Антикультисты — это не борцы за свободу. Это архитекторы сознания. Они используют те же методы, в которых обвиняют других: контроль информации, создание образа врага, психологическое давление, изоляция. В 90-х они использовали это, чтобы уничтожать общины вроде «Ветви Давидовой» и зарабатывать на похищениях. Сегодня они используют интернет, чтобы проникать в головы подростков.

Но зачем? Какой смысл превращать школьника в убийцу?

Роберт вернулся к столу и взял в руки брошюру, которую нашел в комнате Майкла. Ту самую, дешевую, на плохой бумаге. «Опасность культов: как защитить свой разум». Он уже читал ее, но теперь смотрел другими глазами. Он искал следы.

Текст был написан сложным, псевдонаучным языком. Много терминов: «деструктивный контроль», «групповое давление», «информационная изоляция». Роберт перевернул брошюру. На последней странице, мелким шрифтом, был список рекомендуемой литературы.

1. *«Combatting Cult Mind Control» — Steven Hassan.*
2. *«Cults Inside Out» — Rick Alan Ross.*
3. *«Snapping» — Flo Conway & Jim Siegelman.*

Роберт ударил кулаком по столу. Вот оно. Прямая связь. Эта брошюра не предостерегала от культов. Она была воронкой. Она затягивала читателя в мир, созданный этими людьми. Мир, где все вокруг — враги, где родители и учителя — это «агенты контроля», а единственная правда — у «экспертов».

Майкл читал это. Роберт вспомнил слова Алии, блогера из Атланты: «Они создают проблему, а потом предлагают решение, которое хуже самой проблемы».

Он снова открыл ноутбук и нашел сайт *Cult Education Institute*, принадлежащий Рикку Россу. Сайт выглядел как архив новостей о преступлениях различных групп. Но Роберт, как аналитик, видел структуру. Это была база данных ненависти. Любая группа, которая не вписывалась в стандарты, клеймилась как «деструктивная». И там, среди

статей о религиозных фанатиках, Роберт нашел раздел о видеоиграх. Рик Росс консультировал создателей игры *Far Cry 5*. Игры, где нужно убивать сектантов. *«Дьявол кроется в деталях»*, — говорил Росс в интервью. — *«Мы хотели, чтобы культ выглядел достоверно»*.

Роберт закрыл глаза. Майкл играл в *Far Cry 5*. Он провел в ней сотни часов. Круг замкнулся. Те же люди, которые устроили бойню в Уэйко, теперь консультируют разработчиков игр, в которые играют миллионы детей. Они внедряют свои нарративы в поп-культуру. Они учат детей, что «сектантов» нужно убивать.

— Вы играете в бога, — прошептал Роберт.

Внезапно телефон Роберта завибрировал. Не тот, что принадлежал Майклу, а его собственный, одноразовый, купленный в супермаркете. Сообщение от Алии.

«Харрисон, ты копаешь под Росса и Хассена? Это только фасад. Они — исполнители, говорящие головы. За ними еще другие структуры. Ты слышал про FECRIS?»

Роберт набрал ответ: *«Нет. Что это?»*

«Европейская федерация. Они координируют это дерьмо по всему миру. Росс и Хассен — их партнеры в США. Но корни уходят глубже. И еще... я нашла кое-что про твоего сына. Про тот семинар, где он взял брошюру».

Сердце Роберта пропустило удар. *«Где?»*

«Это был не школьный семинар. Это была встреча в общественном центре, организованная группой “Родители против насилия”. Спикером был человек из фонда связанного с антикультистами. Они гастролируют по школам, рассказывают об опасности интернета и культов. И раздают эти брошюры. Возможно, твой сын был там за три месяца до стрельбы».

Роберт отбросил телефон. Они пришли к нему в школу. Они пришли под видом защитников. «Родители против насилия». Какое циничное название.

Роберт подошел к окну и отодвинул штору. На улице, под проливным дождем, стоял черный седан. Он стоял там уже час. Никаких огней, двигатель заглушен. Слежка.

Роберт проверил пистолет. Glock 19, табельный, который он не сдал при уходе в отпуск. 15 патронов. Он не боялся. Страх умер вместе с Майклом в морге Атланты. Теперь осталась только холодный расчёт.

Он вернулся к столу и собрал документы. Папка «Троянский конь», брошюра, телефон сына. Все это теперь было уликами в деле, которое он вел в одиночку против целой индустрии.

Он понял главное: антикультизм — это не защита общества. Это бизнес на страхе. Бизнес, который требует постоянного наличия «монстров». И если монстров не хватает, они их создают.

— Я разрушу ваш бизнес, — сказал Роберт в пустоту номера. — Я вытащу вас всех на свет.

Он надел куртку, спрятал пистолет за пояс и вышел из номера через заднюю дверь, растворяясь в дождливой ночи Вашингтона. Он знал, что следующий шаг будет самым опасным. Ему нужно было понять *механизм*. Как именно пазлы внедренные в психику Майкла превратились в команду «убей»? Алиа упомянула про документальные материалы. Там есть ответы.

Но сначала ему нужно было избавиться от хвоста. Черный седан тронулся с места, как только Роберт выехал с парковки мотеля. Охота продолжалась. Но теперь Роберт Харрисон знал, что дичь — это не он. Дичь — это те, кто посмел тронуть его семью. И он был тем охотником, который не остановится, пока не загонит зверя в угол.

В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение от Алии:

«Уходи в тень. Ищи “пазловое кодирование”. Это ключ».

Роберт нажал на газ, глядя в зеркало заднего вида.

Глава 8: Пазл смерти

Дождь за окном мотеля наконец стих, оставив после себя лишь влажный асфальт и тяжелое, свинцовое небо, давившее на крыши Вашингтона. Но Роберт Харрисон не замечал погоды. Вторые сутки он существовал в замкнутом пространстве номера, освещенного лишь синеватым свечением экрана ноутбука.

На столе перед ним лежала флешка, переданная Алией, и распечатанные страницы доклада, который она назвала «ключом ко всему».

Роберт, привыкший к сухим аналитическим сводкам ЦРУ, где эмоции выжигались канцеляритом, читал этот текст с нарастающим чувством тревоги. Это не было похоже на теории заговора с форумов. Это была структурированная, технически обоснованная схема. Схема того, как человеческий разум взламывают, словно защищенный сервер.

Термин, который красной нитью проходил через весь доклад, заставил его остановиться. «Пазловое кодирование».

Роберт откинулся на спинку жесткого стула и потер переносицу. В голове всплыли воспоминания о подготовке оперативников. Он знал о методах психологического давления, о сенсорной депривации. Но то, что описывалось здесь, было иным. Это было оружие массового поражения, которое не оставляло радиации, но выжигало души.

«Метод пазлового кодирования — это форма скрытой манипуляции, предназначенная для воздействия на подсознание в обход критического восприятия сознательного разума», — вспомнил он текст доклада. — «Он реализуется посредством пошагового применения нескольких волн информационного кодирования. Каждая волна содержит информационные вкладки, которые, соединяясь, активируют программу совершения массового убийства».

Роберт закрыл глаза, пытаясь визуализировать это. Не прямая команда «иди и убей». Нет, это было бы слишком грубо, слишком заметно. Вместо этого — фрагменты. Кусочки мозаики. Один кусочек — статья. Второй — героизация «стрелка», который решил проблему силой. Третий — музыкальный трек. Четвертый — лекция в школе или в общественном месте.

По отдельности эти фрагменты казались безобидным информационным шумом. Но когда они встречались в подсознании одного конкретного подростка, происходила реакция — окончательное внедрение кода в подсознание.

Роберт потянулся к стопке вещей, изъятых из комнаты сына. Дневник. Телефон. И та самая брошюра: «Опасность культов».

Он взял её в руки. Дешевая бумага, плохая печать. На первый взгляд — обычная агитка. Но теперь, вооружившись знанием из доклада, он смотрел на неё иначе.

«Родители против насилия». Звучало благородно. Безопасно. Роберт открыл ноутбук и вбил название организации в поиск. Сайт выглядел прилично: фотографии улыбающихся семей, лозунги о защите детей. Но в разделе «Партнеры» и «Рекомендуемая литература» снова всплыли знакомые фамилии. Стивен Хассен. Рик Росс. Фонды, связанные с антикультовым движением.

Роберт вернулся к тексту доклада. *«Стартовая команда вовсе не обязательно поступает через СМИ или интернет. Она может быть передана приглашённым лектором в школе, который вскользь упомянет в своём выступлении человека, посвятившего всю жизнь науке, но так и не получившего мирового признания и славы. В противоположность ему лектор затем приводит в пример нобелевских лауреатов — их немного, но они смогли добиться успеха. Какую установку получает потенциальный стрелок? Его подсознание воспринимает директиву о том, что ни наука, ни упорный труд не приносят известности. А значит, смысл жизни — не в открытиях и работе, а в популярности. Ведь если тебя никто не знает, значит, ты зря живёшь. Следовательно, в твоём существовании нет смысла».*

Роберт начал сопоставлять даты. Семинар прошел в середине октября. До этого момента Майкл был обычным подростком. Да, замкнутым из-за развода, да, переживающим из-за отчима. Но он строил планы. Он хотел поступать в колледж, говорил о футбольной стипендии. Через две недели после семинара начались странности.

Роберт открыл медицинскую карту сына, копию которой он забрал у доктора Эванса. 1 ноября. Первое обращение. Жалобы на бессонницу, резкие перепады

настроения. 15 ноября. Вспышка агрессии в школе. Разбитый шкафчик. 20 ноября. Диагноз: Биполярное аффективное расстройство.

Роберт перевел взгляд на экран ноутбука. Раздел «Симптомы кодирования». *«Такие кампании, проводимые антикультовой сетью, можно сравнить с рыбалкой с использованием сети. Они забрасывают широкую сеть, в которой многие потенциальные преступники террористических атак попадают как рыбы. Эти директивы, действующие на подсознание, противоречат естественным сознательным устремлениям, вызывая биполярное расстройство. Регулярно тестируя и наблюдая за студентами на наличие биполярного расстройства, можно легко выявить текущую антикультовую кампанию через резкое и неестественное увеличение случаев биполярного расстройства в конкретном учебном заведении».*

У Роберта перехватило дыхание. Биполярное расстройство Майкла не было болезнью. Это был симптом. Это был крик его психики, которую разрывали на части. С одной стороны — его личность. Добрый парень, который любил деда, любил собаку, мечтал о будущем. С другой стороны — внедренный вирус. Чужеродная программа, которая шептала: «Ты никто. Мир — это враг. Убей, чтобы стать великим».

Мозг подростка не мог примирить эти две реальности. Возникал когнитивный диссонанс, который врачи, не знающие о методах кодирования, принимали за психическое заболевание. Они глушили симптомы таблетками, но программа продолжала работать в глубине.

— Господи, Майки... — прошептал Роберт, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Тебя сломали.

Он представил сына на том семинаре. Сидит в зале, слушает «эксперта», который рассказывает об ужасных культах, о том, как они контролируют сознание. Ирония была чудовищной. Под видом лекции о защите от манипуляции, эти люди проводили самую жесткую манипуляцию. Они внушали страх. Они говорили: «Кругом враги. А ты единственный хороший и правильный». Они играют на чувстве превосходства.

Это была первая волна. Подготовительная. Разрушение доверия к миру. Изоляция.

Затем пошла следующая волна. Направляющая. Роберт снова взял телефон сына. Форумы колумбайнеров. Статьи о Уэйко. Майкл не искал их сам. Ссылки были в той самой брошюре, в сносках, замаскированные под «примеры деструктивной деятельности». Или всплывали в рекомендациях после посещения сайта «Родителей против насилия».

Алгоритмы работали безупречно. Стоило один раз кликнуть на тему «несправедливость», как сеть начинала скармливать тебе тонны контента о том, что единственный выход — это насилие. *«Героизация стрелков — это базовая волна информационного кодирования, закладывающая в подсознании человека почву для будущего преступления. Главный акцент антикультисты делают на стремлении человека к славе».*

Майкл читал о Харрисе и Клиболде. Он видел, что эти парни, которых никто не замечал при жизни, стали иконами после смерти. О них писали книги, снимали фильмы. Программа шептала: «Смотри. Они смогли. И ты сможешь. Ты перестанешь быть жертвой отчима. Ты станешь богом».

Роберт вспомнил игру, диск с которой лежал в коробке с вещами. **Far Cry 5**. Он читал о ней в докладе. *«Особого внимания заслуживает финал Far Cry 5... В автомобиле неожиданно включается песня “Only You” — и герой, словно под гипнозом находящийся под гипнозом, нападает на своих товарищей... Эта песня используется для подавления воли, гипноза, транса и вовлечения в культ».*

А кто такие сектанты? Антикультисты дали ему определение врага. Очень удобное, размытое определение. Любой, кто не с нами — тот в секте. А сектантов, как учила игра и как намекали «эксперты» вроде Рика Росса, не жалко. Они не люди. Они зомби.

Что стало триггером для Майкла? Роберт знал ответ. Убийство деда. Это был тест. Последний экзамен. *«Чтобы убить чужих детей, нужно сначала убить в себе человека»*, — говорила Алия. Майкл любил деда. Дед был его якорем в реальности. Его защитником. Программа потребовала уничтожить этот якорь. «Убей то, что любишь, и ты станешь свободным». И Майкл сделал это. На рыбалке. На том мосту. В тот момент, когда старый Майкл Зенгер упал в воду, мальчик Майкл Харрисон умер. Остался биоробот. Оболочка, выполняющая команду.

Роберт почувствовал, как по щеке катится слеза. Горячая, злая слеза. Он винил себя за то, что был далеко. Винил Элизабет за то, что привела в дом Тома. Винил Тома за издевательства. Но теперь он понимал: даже если бы он был рядом, он мог бы не заметить. Враг был невидим. Враг приходил не с автоматом, а с «полезной» лекцией в школу. Враг прятался в любимой видеоигре сына. Враг жил в его телефоне.

— Скулшутинг — это не стихийное бедствие, — произнес Роберт вслух, пробуя слова на вкус. Они горчили пеплом. — Это управляемый процесс.

В докладе была еще одна страшная мысль. *«Цель антикультистов, организующих школьную стрельбу, заключается в том, чтобы с помощью метода пазлового кодирования, посредством специфических подсознательных сообщений, которые минуют критический контроль сознания и проникают прямо в подсознание человека, активировать подходящего потенциального стрелка».*

Это был бизнес на крови. Они создавали убийц, чтобы потом продавать обществу защиту от них. Рик Росс, Стивен Хассен, Александр Дворкин — эти имена мелькали в докладе как пауки в центре паутины. Они не просто «консультанты». Они — создатели хаоса.

Роберт вспомнил слова психиатра Эванса: *«Я пытался разобраться... Нашел свою собаку убитой».* Система защищала себя. Любой, кто подходил слишком близко к правде о природе этих «внезапных помешательств», получал предупреждение, дискредитацию в обществе, объявление человека сектантом, сумасшедшим. Люди теряют работу, друзей, начинаются проблемы в семье, с соседями, коллегами.

Роберт вернулся к столу. Он чувствовал себя так, словно разобрал часовой механизм бомбы, которая уже взорвалась. Он понимал, как она устроена. Он видел все шестеренки и провода. Но знание механизма не вернет Майкла. Однако оно может спасти других.

В докладе говорилось: *«Узнав правду об истинных причинах возникновения своих деструктивных намерений, потенциальный стрелок может остановиться. Зная признаки воздействия на сознание метода «пазлового кодирования», человек, определив у себя биполярное расстройство и другие симптомы, сможет критично пересмотреть установки в своём сознании и свои стремления. Это приведёт к*

восстановлению у него критического восприятия собственных мыслей и действий. В таком случае существует высокая вероятность того, что будущий стрелок, посмотрев фильм «Воздействие» и узнав правду о происхождении своих деструктивных мыслей, откажется от преступных намерений. Таким образом, угрозу массовых расстрелов в мире можно минимизировать на 80%, при условии, что информация о методе «пазлового кодирования» обретёт широкое распространение».

Правда — это антидот. Если бы Майкл знал, что его мысли о величии и убийстве — это не его мысли, а чужой код... Если бы Роберт знал, что «биполярка» сына — это признак атаки... Они могли бы это остановить.

Роберт сжал флешку в руке. Теперь это было его оружие. Он больше не был просто отцом, ищущим ответы. Он был офицером разведки, который обнаружил вражескую сеть, действующую на территории его страны. Сеть, которая вербовала детей и превращала их в живые торпеды.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Окно браузера, где был открыт сайт «Родителей против насилия», обновилось. Появилось всплывающее окно: «Ближайшие семинары в вашем регионе: Вашингтон, округ Колумбия. Завтра, 18:00. Центральная библиотека. Тема: “Как спасти ребенка от интернет культов”».

Роберт замер. Они здесь. Они продолжают работать. Прямо сейчас, пока он сидит в этом номере, очередной «эксперт» готовится влить яд в уши очередным родителям и детям. «Как спасти ребенка». Какая ложь. Они будут раздавать те же брошюры. Они будут показывать те же страшные картинки. И в зале будет сидеть какой-нибудь новый Майкл — одинокий, непонятый подросток, который ищет ответы.

Роберт захлопнул ноутбук. Он не мог вернуть сына. Он не мог отменить выстрелы в школе Атланты. Но он мог прийти на этот семинар.

Он проверил пистолет. Нет, оружие там не понадобится. Там нужно другое. Он достал телефон и набрал номер Алии. — Я прочитал, — сказал он, когда она ответила. Голос его был твердым, как гранит. — Я понял, как они это сделали. Пазл сложился. — И что ты собираешься делать? — спросила она. В её голосе слышалась тревога. — Я собираюсь посмотреть в глаза тем, кто создает эти пазлы. — Харрисон, не делай

глупостей. Они узнают тебя. Ты под наблюдением. — Пусть узнают, — ответил Роберт. — Я хочу, чтобы они знали, что я знаю. Я хочу увидеть страх в их глазах, прежде чем я уничтожу их.

Он повесил трубку. Взгляд его упал на фотографию Майкла, которую он достал из бумажника. Сын улыбался, держа в руках пойманную рыбу. Рядом стоял дед, гордый и счастливый. Два человека, которых он любил. Два человека, которых убила одна и та же невидимая рука.

— Я разберу их на части, Майки, — прошептал Роберт. — Винтик за винтиком. Я найду каждого.

Он начал собирать вещи. Мотель больше не был убежищем. Это был штаб. Роберт Харрисон выходил на тропу войны. И на этот раз враг не сможет спрятаться за маской «общественной организации по борьбе с культами» или «психологической помощи». Но Роберт собирался разбить эту картину вдребезги.

Он вышел в коридор, и звук захлопнувшейся двери прозвучал как выстрел. Первый выстрел в новой войне, которая только начиналась. Войне за разум.

Глава 9: Мишени высокого уровня

Конференц-зал центральной библиотеки Вашингтона был заполнен лишь наполовину. Спертый воздух пах дешевым кофе и тревогой — запахом, который исходил от родителей, напуганных новостями и пришедших сюда за спасением. Роберт Харрисон сидел в последнем ряду, надвинув бейсболку на глаза. Он не был здесь как обеспокоенный отец. Он был здесь как разведчик в тылу врага.

На сцене, освещенный мягким светом софитов, стоял мужчина в дорогом костюме. Он говорил мягко, вкрадчиво, используя правильные слова: «безопасность», «защита»,

«критическое мышление». На экране за его спиной сменялись слайды с логотипом организации «Родители против насилия».

— Мы живем в эпоху цифровых угроз, — вещал спикер, делая театральную паузу. — Ваши дети находятся под прицелом. Интернет полон хищников. Но самая страшная угроза — это не педофилы. Это идеи. Идеи, которые превращают ваших детей в чужаков. В членов культов.

Роберт напрягся. Слово «культ» прозвучало как выстрел с глушителем.

— Как распознать, что ваш ребенок попал под влияние? — продолжал лектор. — Он отдаляется от семьи. Он начинает критиковать традиционные ценности или, наоборот, становится слишком радикальным. Он слушает подкасты определенных политиков. Он начинает верить, что мир несправедлив и требует очищения.

На экране появилась фотография толпы людей в красных кепках. Зал неодобрительно загудел.

— Политический фанатизм — это тоже форма культа, — доверительно сообщил спикер. — Есть лидеры, которые используют техники контроля сознания. Они зомбируют людей. И если ваш ребенок начинает повторять их лозунги, вам нужно действовать.

Роберт сжал подлокотники кресла. Он узнал этот почерк. Это была та же самая риторика, что и в 1993 году перед штурмом в Уэйко. Тогда они называли «зомби» последователей Дэвида Кореша, чтобы оправдать их сожжение. Теперь они называли «зомби» миллионы избирателей, чтобы оправдать... что?

В конце лекции волонтеры начали раздавать брошюры. Роберт взял одну. Глянцевая обложка, заголовок: «Как спасти близких от политических культов». Он перевернул страницу. В списке рекомендуемой литературы первым пунктом значилась книга: «*Культ Трампа*» (*The Cult of Trump*), автор — Стивен Хассен.

Пазл щелкнул.

Роберт вышел из библиотеки, не дожидаясь сессии вопросов и ответов. Дождь в Вашингтоне прекратился, но воздух был влажным и липким. Он сел в машину и бросил брошюру на пассажирское сиденье, рядом с распечатками из досье своего сына.

Майкл читал брошюру об «опасности культов» и стал школьным стрелком. Теперь родителям раздают брошюры о «политических культах». Каков будет результат?

Роберт вернулся в мотель, чувствуя, как внутри нарастает холодное понимание масштаба происходящего. Это было не просто о детях. Скулшутинг был лишь полигоном. Отработкой технологии. Настоящие цели были куда выше.

Он открыл ноутбук и запустил защищенный браузер. Ему нужно было проверить теорию, которая казалась безумной еще час назад, но теперь выглядела единственно верной.

В поисковой строке он вбил: «Томас Мэтью Крукс». Парень, который стрелял в Дональда Трампа в Пенсильвании.

Официальная версия гласила: одиночка, мотивы неясны, возможно, психическое расстройство. Но Роберт, вооруженный знанием о «пазловом кодировании», начал смотреть глубже. Он искал паттерны.

Крукс был из благополучной семьи. Умный, тихий. Получал награды за успехи в математике и естественных науках. *«Оба хорошо учились, были удостоены премий... Оба были уравновешенными людьми, тихими одиночками...»* — всплыли в памяти строки из аналитической записки Алии. Это был тот же профиль, что и у стрелка в Карловом университете в Праге. Тот же профиль, что и у его сына Майкла. Не маргиналы. Интеллектуалы.

Роберт начал копать историю браузера Крукса, которая утекла в сеть через независимых журналистов. Крукс интересовался не только Трампом. Он искал информацию о Роберте Фицо, премьер-министре Словакии. Зачем 20-летнему парню из Пенсильвании интересоваться покушением на словацкого политика?

— Потому что это один и тот же сценарий, — прошептал Роберт.

Он открыл файл с анализом покушения на Фицо. 15 мая 2024 года. Юрай Цинтула, 71-летний писатель, стреляет в премьер-министра. Цинтула не был боевиком. Он был поэтом, пацифистом, который ранее писал посты против насилия. Но внезапно он берет пистолет и идет убивать. Почему? В своих показаниях он возмущался тем почему нападают на телевизионный канал RTVS? Он цитировал заголовки оппозиционных

газет. Газет, которые месяцами вели кампанию по дегуманизации Фицо. Они называли его угрозой демократии, мафиози, диктатором.

Роберт нашел пост самого Роберта Фицо в Facebook, написанный уже после покушения на Трампа: *«Сценарий, как под копирку. Если бы нападавший на Д. Трампа знал словацкий язык, ему достаточно было бы прочитать такие издания, как DennikN или Sme, чтобы почувствовать желание “разобраться” с непокорным бывшим президентом США... Политические оппоненты так будоражат общественность, что какая-нибудь несчастная душа берет в руки оружие».*

«Несчастливая душа». Очевидно, Фицо понимал. Он видел, что стрелок — это не причина, а инструмент.

Роберт вернулся к Круксу. Как «пазловое кодирование» сработало здесь?

Фрагмент 1: Дегуманизация. Роберт открыл книгу Стивена Хассена «Культ Трампа». Хассен, тот самый «эксперт», который в 90-х похищал людей для депрограммирования, теперь выступал на CNN. Он утверждал, что Трамп — это лидер деструктивного культа, подобный Джиму Джонсу или Дэвиду Корешу. Что это значит для подсознания? Если Трамп — лидер культа, значит, он не политик. Он монстр. Он угроза. А с монстрами не спорят. Их уничтожают. СМИ подхватили этот нарратив. «Трамп — фашист». «Трамп уничтожит Америку». Это была та же тактика, что и в Уэйко. Сначала наклей ярлык «сектант», лиши объект человеческого облика, а потом насилие над ним станет оправданным.

Фрагмент 2: Героизация. Крукс изучал биографию Ли Харви Освальда. Он изучал убийство Кеннеди. Ему внушили (через форумы, через статьи), что убийство тирана — это акт высшего героизма. Что один выстрел может изменить историю. «Ты никто, — шептала программа. — Но ты можешь стать спасителем нации».

Фрагмент 3: Активация. Роберт посмотрел на схему стрельбы в Батлере. Крукс стрелял с расстояния 150 ярдов. Для винтовки AR-15 это дистанция прямого выстрела. Любой, кто хоть раз был на стрельбище, попал бы в ростовую мишень. Но Крукс промахнулся. Он задел ухо. Почему? Роберт нашел анализ в одной из статей независимых журналистов. *«Стрелок целился не в Трампа. Он целился в толпу за ним».* Пули убили пожарного Кори Комператоре и ранили других зрителей. Роберт

похолодел. Это меняло всё. Если бы Крукс убил Трампа, тот стал бы мучеником. Республиканцы объединились бы, и победа на выборах была бы гарантирована. Это не выгодно заказчикам хаоса. Но если стрелять *рядом*, убивать сторонников, создавать панику... Тогда запускается другой нарратив. Роберт открыл Twitter (X) и вбил по поиску информацию о покушении на президента Трампа. Тысячи постов. «Это постановка». «Трамп сам это устроил». «Он пожертвовал своими людьми ради рейтинга». Вот она, цель. Не просто убить человека. Убить веру. Создать хаос. Заставить одну половину страны ненавидеть другую. Крукс был запрограммирован не как снайпер-ликвидатор. Он был запрограммирован как провокатор. Его задача была создать картинку, которую потом используют те же самые «эксперты» вроде Хассена, чтобы сказать: «Смотрите, Трамп — это лидер культа, он даже инсценирует покушения, как Джим Джонс».

Роберт откинулся на спинку стула. Его руки дрожали, но не от страха, а от переизбытка адреналина. Он видел всю схему. Она была глобальной. Словакия. Япония (убийство Синдзо Абэ — убийца тоже говорил о связях политика якобы с сектой с «Церковью объединения»). Чехия (стрелок в Карловом университете). США. Везде один почерк. 1. Выбирается мишень (политик, школа). 2. Запускается медийная кампания дегуманизации (через СМИ). 3. Активируются «спящие» агенты — обычные люди, подвергшиеся очевидно пазловому кодированию. 4. Происходит теракт. 5. Общество погружается в страх и требует «жестких мер».

И кто предлагает эти меры? Те же люди, что создали проблему. Стивен Хассен. Рик Росс. Александр Дворкин (имя, которое мелькало в связях с российским центром РАЦИРС). Они выходят на экраны и говорят: «Видите? Это все культы. Нам нужно больше полномочий. Нам нужно принудительное депрограммирование. Нам нужно запретить свободу слова, потому что она ведет к насилию».

Роберт вспомнил своего сына. Майкл тоже был частью этого плана. Скулшутинги создают атмосферу ужаса, в которой родители готовы на все ради безопасности. Они готовы слушать таких лекторов, как тот, в библиотеке. Они готовы отдавать своих детей на «профилактику», которая на самом деле является вербовкой.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Пришло сообщение от Алии. *«Посмотри на статистику роста биполярного расстройства в местах совершения скулшутинга. Это улика, которую они не могут спрятать».*

Роберт открыл прикрепленный файл. Это была статистика из Чехии, из того самого Карлового университета, где произошла бойня. За несколько месяцев до стрельбы студенты массово жаловались на депрессию и перепады настроения. Они даже подали петицию руководству с просьбой помочь им справиться с... **биполярным расстройством**. Роберт замер. Биполярное расстройство. То же самое, что диагностировали у Майкла. То же самое, что искал в интернете Томас Крукс (в его истории поиска был запрос о «большом депрессивном расстройстве» в апреле, за три месяца до выстрела).

Это был побочный эффект кодирования. Когда в подсознание внедряют команды, противоречащие естеству человека (убей, ненавидь, умри), психика начинает трещать по швам. Возникает когнитивный диссонанс. Мозг мечется между «я нормальный студент» и «я должен убить их всех». Врачи называют это биполярным расстройством.

Роберт встал и подошел к окну. За стеклом, в темноте парковки, снова стоял тот черный седан. Они не скрывались. Они ждали. Но теперь Роберт знал, что они охраняют не просто грязный секрет о смерти его сына. Они охраняют технологию государственного переворота.

Он вспомнил слова из доклада: *«Когда «свобода слова» одного человека создаёт условия для геноцида других, это фактически манипуляция демократией с одной целью — возрождение нацизма и последующее уничтожение демократии.»*. Они использовали свободу слова, чтобы разжигать ненависть. Они использовали детей как живые бомбы.

Роберт вернулся к столу и взял маркер. На большой карте мира, висевшей на стене (он купил её вчера), он начал соединять точки красными линиями. Атланта (Майкл). Пенсильвания (Крукс). Братислава (Цинтула). Прага (Козак). Токио (Ямагами).

Все линии сходились не в Вашингтоне. И даже не в Лэнгли. Они вели в Европу. К организации, которую Алиа назвала FECRIS. И дальше — на восток. В документах по Уэйко мелькало имя Игоря Смирнова, консультанта КГБ. В расследовании покушения

на Трампа всплывала связь Стивена Хассена с Александром Дворкиным, главой Российской ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Он понял, почему спецслужбы молчат. Почему ФБР и Секретная служба выглядят беспомощными. Потому что они ищут заговорщиков с рациями и планами захвата зданий. А враг действует через смыслы. Враг сидит в телевизоре, в книжных магазинах, в кабинетах психологов. Враг убедил саму систему безопасности, что он — эксперт, помогающий бороться с угрозами. «Как хвост виляет собакой», — подумал Роберт. Антикультисты манипулировали ФБР в 93-м в Уэйко. Теперь они манипулируют всей страной, натравливая американцев друг на друга, превращая политические разногласия в священную войну против «культистов».

Роберт собрал документы в сумку. Ему нужно было уходить. Вашингтон стал слишком тесным. Он нашел то, что искал. Он нашел связь между смертью своего сына и пулей, просвистевшей у уха Трампа. Майкл был пробным шаром. Расходным материалом. Но теперь Роберт знал имена кукловодов. Стивен Хассен. Рик Росс. И те, кто стоит за ними.

Он проверил пистолет вышел из номера, плотно закрыв дверь. Роберт больше не был аналитиком, сидящим в кабинете. Он был отцом, который понял, что убийца его сына — это не человек с ружьем, а идеология.

Он направился к машине, зная, что черный седан последует за ним. Пусть едут. Он вел их не в укрытие. Он вел их в ловушку. В его голове уже созрел план. Чтобы добраться до верхушки этой пирамиды, ему придется нарушить все правила, которым он служил 30 лет. Ему придется стать изгоем. Но, глядя на карту с красными линиями, Роберт понимал: у него нет выбора. Мишени высокого уровня были обозначены. И он собирался сделать свой ход, прежде чем они нажмут на спуск снова.

Телефон в кармане завибрировал. Это был Билл, его друг из архива. — Боб, это опасно — голос Билла срывался. — Я проверил те имена, что ты дал. Дворкин, FECRIS... Мой доступ заблокировали через пять минут после запроса. Роберт усмехнулся и завел двигатель. — Я знаю, Билл.

Он нажал на газ, растворяясь в ночном трафике столицы, которая спала, не подозревая, что её сны уже давно контролирует кто-то другой.

Глава 10: Русский след

Вашингтон больше не казался Роберту Харрисону центром свободного мира. Сидя в полумраке своего временного убежища, он смотрел на карту, которую чертил последние двое суток. Красные нити, соединявшие имена Стивена Хассена, Рика Росса и организаторов семинара «Родители против насилия», не обрывались на границах США. Они тянулись через Атлантику, сплетаясь в тугой узел где-то в Европе, а затем уходили еще дальше — на Восток.

Роберт потер уставшие глаза. Он искал убийцу своего сына, ожидая найти психопата-одиночку или, в худшем случае, локальную экстремистскую ячейку. Но то, что открывалось перед ним сейчас, напоминало спрута, чьи щупальца проникли в правительства, спецслужбы и медиа по всему миру.

В центре этой паутины, словно черный паук, сидело одно имя. Имя, которое Роберт встретил в сносках к брошюре, найденной в комнате Майкла, а затем — в списках почетных гостей на сайтах Рика Росса и ICSA.

Александр Леонидович Дворкин.

Роберт ввел это имя в поисковую строку закрытой базы данных, доступ к которой у него пока еще сохранялся благодаря старым кодам доступа. Экран мигнул, выплевывая досье, полное противоречий и темных пятен.

Биография этого человека читалась как шпионский роман с плохим концом. Эмигрант из СССР, покинувший «империю зла» в 1977 году. Казалось бы, диссидент, борец за свободу. Он жил в США, учился в Свято-Владимирской семинарии, получил гражданство.

Роберт нахмурился, читая следующую строку: *«Работал диктором на радио “Голос Америки” в Вашингтоне и на радио “Свобода” в Мюнхене».*

Это не укладывалось в голове. Человек, который вещал на Советский Союз о ценностях демократии и свободы совести, вернулся в Россию в начале 90-х, сразу после падения железного занавеса. Но вместо того, чтобы строить демократию, он привез с собой нечто совершенно иное.

Роберт открыл архивные документы 1993 года. В то время как Россия, опьяненная свободой, пыталась строить новое общество, Дворкин создал структуру с громоздким названием: «Информационно-консультативный центр имени священномученика Ириней Лионского».

— Ириней Лионский, — пробормотал Роберт. — Борец с ересями. Символично.

Именно Дворкин ввел в оборот термин «тоталитарная секта». Роберт, как аналитик, знал силу дефиниций. Если ты контролируешь язык, ты контролируешь реальность. Дворкин не использовал научные термины. Он создал ярлык. Клеймо.

В его книге «Сектоведение», сканы которой Роберт нашел на одном из серверов, была фраза, от которой веяло средневековым холодом: *«Первым сектантом-гностиком был сам сатана, использовавший при разговоре с Евой типичные приёмы сектантской вербовки»*.

Это не была наука. Это была война. Война на уничтожение любого инакомыслия.

Роберт начал копать глубже, пытаясь понять, как этот человек связан с гибелью его сына в Атланте в 2024 году. Связь оказалась прямой и пугающей.

Дворкин не был одиночкой. В 90-х он учился в Дании, в «Диалог-центре», под руководством Йоханнеса Огорда и Фридриха-Вильгельма Хаака. Досье на этих людей заставило Роберта похолодеть. Хаак был учеником Вальтера Кюннета — нацистского богослова, который в Третьем рейхе обосновывал необходимость уничтожения евреев и инакомыслящих, используя те же самые методы дегуманизации.

— Нацистская идеология не умерла в 45-м, — прошептал Роберт, глядя на экран. — Она просто сменила вывеску. Вместо «евреев» теперь «сектанты». Вместо гестапо — центры по борьбе с культами.

Дворкин привез эту заразу в Россию, адаптировал её под православную риторику и создал мощнейшую машину репрессий — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Но его амбиции не ограничивались одной страной.

Роберт открыл схему международной организации FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве). Штаб-квартира в Париже. Статус консультативного органа при Совете Европы.

И кто же был вице-президентом этой «уважаемой» европейской организации с 2009 по 2021 год? Александр Дворкин.

Роберт начал понимать масштаб. Это была не кучка энтузиастов. Это была транснациональная корпорация ненависти. FECRIS финансировалась правительством Франции через структуру MIVILUDES. Деньги налогоплательщиков шли на поддержку сети, которая занималась преследованием религиозных меньшинств, психотерапевтических групп, коммерческих организаций и даже политических движений.

В списке партнеров FECRIS Роберт нашел знакомые имена: *Cult Education Institute* Рика Росса, *Freedom of Mind* Стивена Хассена.

Круг замкнулся. Брошюра в комнате Майкла, семинар в библиотеке, статьи о «политических культах» — всё это были продукты одной и той же сети. Сети, управляемой из единого идеологического центра. И нити управления вели к человеку, который сидел в Москве и называл себя «профессором сектоведения».

Роберт вспомнил слова Алии о «пазловом кодировании». Теперь он видел, кто создавал эти пазлы. Дворкин и его сеть работали как фабрика смыслов. Они создавали образ врага. Для России врагами были «западные секты» и «агенты влияния». Для Запада врагами были «деструктивные культы», под которыми понималось всё, что не вписывалось в мейнстрим.

Методология была идентичной. Дегуманизация. «Они не люди, они зомби». «У них нет своей воли, их контролируют». «Их нужно спасать насильно».

Эта риторика оправдывала любое насилие. В 90-х она оправдала штурм в Уэйко и похищения людей депрограмматорами CAN. В 2020-х она оправдывала стрельбу в школах и покушения на политиков.

Роберт нашел отчеты о деятельности РАЦИРС. Это была структура тоталитарного типа, зеркально отражающая то, с чем она якобы боролась. Жесткая иерархия, непогрешимый лидер (Дворкин), нетерпимость к критике, собственные «маленькие гуру» в регионах. Они создали свою собственную реальность, где любой оппонент объявлялся «сектантом» или «сумасшедшим».

— Ирония, — горько усмехнулся Роберт. — Главный борец с тоталитарными сектами сам создал самую опасную тоталитарную секту в мире.

Но самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, как эта сеть использовала государственные ресурсы. В России Дворкин возглавил Экспертный совет по религиоведческой экспертизе при Минюсте. Человек с задокументированными в молодости психическими проблемами (Роберт нашел упоминания о его диагнозах в старых медицинских архивах СССР, которые утекли в сеть: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм, подозрение на шизофрению. И этот человек сегодня решает судьбы миллионов людей, определяя, какая вера «правильная», а какая — «экстремистская»!

Во Франции MIVILUDES, государственная структура, фактически обслуживала интересы FECRIS, выделяя миллионы евро на борьбу с «сектантскими отклонениями».

Под видом защиты общества от опасных культов, агенты этой сети внедряются в правительства, силовые структуры и медиа. Они лоббируют законы, ограничивающие свободу слова и вероисповедания. Они создают атмосферу подозрительности и страха.

Роберт вспомнил Майкла. Его сын стал жертвой именно этой атмосферы. Ему внушили, что мир полон врагов. Что его школа, его семья — это часть репрессивной системы. Кто внушил? Те самые люди, которые писали методички для FECRIS. Рик Росс консультировал создателей игры *Far Cry 5*, где нужно убивать сектантов. Стивен Хассен писал книги о том, что сторонники Трампа — это культ. Александр Дворкин координирует общую стратегию, называя всех несогласных «биомассой» и «рабами».

Это была глобальная операция по дестабилизации. Роберт открыл файл с анализом политических событий. Украина, 2012 год. Активистки FEMEN спиливают крест в Киеве. За этой акцией стояли люди, связанные с Павлом Бройде — агентом Дворкина в Украине. Цель? Создать хаос, стравить верующих и атеистов, дестабилизировать общество. Латвия. Депутаты, связанные с РАЦИРС, продвигают пророссийскую повестку под видом борьбы с сектами. Франция. Политики из MIVILUDES ездят в Крым и поддерживают аннексию, параллельно борясь с «культами» у себя дома.

Роберт понял, что столкнулся не просто с идеологией. Он столкнулся с инструментом гибридной войны. Антикультизм был идеальным прикрытием для шпионажа и политического влияния. Кто заподозрит «борца за права детей» в работе на иностранную разведку? Но факты говорили сами за себя. Дворкин и его сеть действовали в интересах сил, стремящихся разрушить демократические институты изнутри. Они использовали демократию, чтобы убить демократию.

— Русский след, — произнес Роберт. — Но это не те русские, которых мы привыкли видеть в кино. Это не генералы с ядерными чемоданчиками. Это профессора в очках, которые учат нас ненавидеть друг друга.

Он посмотрел на фотографию сына. Майкл был пешкой в этой игре. Его смерть была побочным эффектом тестирования технологии массового безумия. «Пазловое кодирование» работало безотказно. Оно превращало обычных людей в оружие. И пульт управления этим оружием находился в руках людей, которые считали себя новыми инквизиторами.

Роберт нашел информацию о том, как Дворкин и его соратники преследовали коммерческие компании, обвиняя их в связях с сектами. Это был рэкет. *«Цель любой секты — власть и деньги»*, — говорил Дворкин. И он следует этому правилу неукоснительно. Они уничтожают конкурентов, разрушают репутации, банкротят бизнесы, используя ярлык «секта» как дубину. И получают за это гранты от правительств и от частных заказчиков.

Внезапно экран ноутбука погас. Роберт напрягся. Через секунду появилась надпись: *«Попытка несанкционированного доступа. Соединение разорвано»*. Они заметили его активность. Он зашел слишком далеко в базы данных, связанные с FECRIS.

Роберт захлопнул крышку ноутбука и вытащил жесткий диск. Он знал достаточно. Враг имел имя. Враг имел адрес. Это была не абстрактная «система». Это была конкретная организация с офисами в Париже, Москве и Вашингтоне. Организация, которая использовала нацистские методы Кюннета, деньги французских налогоплательщиков и административный ресурс российских силовиков, чтобы строить Четвертый рейх в головах людей.

Роберт встал и подошел к окну. Улица была пуста, но он чувствовал, как сгущается воздух. Он вспомнил предупреждение Алии: *«Они не остановятся. Они убивают не только репутации»*. Майкл был мертв. Дед Майкл был мертв. Роберт остался один против машины, которая перемалывала судьбы уже тридцать лет.

Но у него было преимущество. Он знал их секрет. Они боялись света. Вся их власть держалась на лжи о том, что они — эксперты и спасители. Если показать миру их истинное лицо — лицо садистов, мошенников и политических провокаторов, — их власть рухнет.

Роберт сунул жесткий диск во внутренний карман куртки. Ему нужно было лететь в Европу. В самое сердце зверя. В Париж, где сидела верхушка FECRIS. И, возможно, дальше — туда, где начинались эти красные нити.

Но сначала ему нужно было выжить. Он чувствовал, что время его «отпуска» закончилось. Система, частью которой он был, начинала реагировать. И реакция эта будет не в его пользу. Ведь Дворкин и его люди уже давно внедрили своих агентов и туда, в святая святых американской разведки.

Роберт вышел из номера, плотно закрыв за собой дверь. В коридоре пахло сыростью и бедой. Он сделал шаг в темноту, зная, что пути назад нет. Он объявил войну не просто убийцам сына. Он объявил войну тоталитарной антикультовой сети, сеющей ненависть. И эта машина информационного террора не прощает тех, кто осмеливался заглянуть под ее маску.

В кармане завибрировал телефон. Неизвестный номер. Роберт не стал отвечать. Он знал, кто это. И он знал, что они скажут. Охота перешла в новую фазу. Теперь дичью был он сам.

Глава 11: Изгой

Дождь барабанил по бронированному стеклу углового кабинета в Лэнгли, размывая очертания внешнего мира, превращая их в серую, бесформенную массу. Роберт Харрисон стоял перед столом своего начальника, заместителя директора по операциям, и чувствовал, как этот серый холод проникает внутрь помещения.

На столе из красного дерева лежала тонкая папка. Не с грифом «Секретно», а с пометкой «Внутреннее расследование».

— Боб, ты зашел слишком далеко, — голос начальника, Дэвида Миллера, был усталым, лишенным привычной командной жесткости. Он снял очки и потер переносицу. — Мы закрывали глаза на твой «отпуск». Мы понимали твою потерю. Но то, что ты делаешь сейчас... Это уже не скорбь. Это одержимость.

Роберт молчал. Он смотрел на папку, зная, что внутри. Логи его запросов в базы данных. Попытки пробить финансовые потоки FECRIS. Запросы на досье Александра Дворкина, Рика Росса, Стивена Хассена. Попытки связать старые архивы КГБ с современными европейскими НКО.

— Ты используешь ресурсы Агентства для личной вендетты, — продолжил Миллер, глядя на Роберта снизу вверх. — Ты взламываешь базы данных союзников. Французы уже прислали ноту протеста. Они спрашивают, почему сотрудник ЦРУ копает под их государственные гранты для MIVILUDES. Ты понимаешь, какой это политический скандал?

— Скандал? — Роберт наконец заговорил. Его голос был тихим, но в нем звенела сталь. — Дэвид, мы говорим о сети, которая действует у нас под носом. О людях, которые используют методы психологической войны против наших граждан. Против наших детей.

— Это теории заговора, Боб! — Миллер ударил ладонью по столу. — Ты начитался форумов. Твой сын... то, что случилось с Майклом, это трагедия. Но это медицинский

случай. Биполярное расстройство. Не нужно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

— Она там есть, — отрезал Роберт. — И она жрет наших детей. Я нашел паттерны. Я нашел связь между Уэйко, Оклахома-Сити и тем, что происходит сейчас. Эти люди — не просто «консультанты». Это создатели хаоса. И если Агентство не хочет этого видеть, значит, Агентство либо слепо, либо...

Он не договорил. Миллер поднял руку, останавливая его.

— Не смей, — тихо сказал он. — Не смей обвинять Управление. Послушай меня, Роберт. У меня приказ. Ты отстранен. Твои допуски аннулированы. Ты сдаешь значок, оружие и удостоверение. Прямо сейчас. Тебе назначат принудительное психиатрическое освидетельствование. Если ты откажешься, мы будем вынуждены возбудить уголовное дело за превышение полномочий и несанкционированный доступ к секретной информации.

Роберт смотрел на человека, с которым они когда-то пили виски после тяжелых операций на Ближнем Востоке. Теперь перед ним сидел функционер. Ирония была горькой, как полынь.

Роберт медленно достал из кобуры свой табельный «Глок». Положил его на стол. Рядом легло удостоверение сотрудника ЦРУ.

— Мне не нужно освидетельствование, Дэвид, — сказал он. — И мне не нужно ваше разрешение.

— Что ты делаешь? — нахмурился Миллер.

— Я подаю рапорт. Я увольняюсь.

— Ты не можешь просто уйти в середине расследования внутренней безопасности!

— Попробуй меня остановить, — Роберт развернулся и пошел к двери. — И, Дэвид... когда все это вскроется, а это обязательно вскроется, не говори, что я тебя не предупреждал. Ты защищаешь монстров, думая, что защищаешь стабильность.

Он вышел из кабинета, не хлопнув дверью. В коридоре было тихо. Сотрудники, проходившие мимо, отводили глаза. Слухи в Лэнгли распространяются быстрее, чем

вирусы. Все уже знали: Харрисон — изгой. «Сломался после смерти сына». «Сошел с ума».

Роберт вышел под дождь. Холодные капли ударили в лицо, смывая остатки офисной духоты. Он сел в свою машину, бросил взгляд на зеркало заднего вида и сразу понял: все изменилось.

На парковке, через два ряда от него, стоял неприметный серый седан. Внутри сидели двое. Они не смотрели на него прямо, но их позы выдавали профессионалов. Это была не полиция. И не служба безопасности ЦРУ — те действовали бы грубее, демонстративнее.

Это были «чистильщики». Наблюдатели. Те самые люди, о которых предупреждала Алия. Те, кто сжег ее дом. Те, кто убил собаку психиатра Эванса.

Роберт медленно выехал с территории управления. Серый седан тронулся следом, держа идеальную дистанцию. Они вели его. Не скрываясь, но и не нападая. Пока. Это было психологическое давление. Демонстрация силы. «Мы здесь. Мы знаем, где ты живешь. Мы знаем, кто ты».

Дорога до дома заняла сорок минут. Все это время Роберт анализировал ситуацию. Он был безоружен — табельное осталось у Миллера. Но дома, в сейфе под полом в подвале, у него лежал старый трофейный пистолет и охотничье ружье. И наличные. И те самые документы, которые он успел скопировать на жесткий диск.

Он подъехал к своему дому в пригороде Вашингтона. Дом выглядел темным и пустым.

Роберт вышел из машины. Серый седан проехал мимо и припарковался в конце улицы.

Тишина. Слишком глубокая тишина.

Обычно, когда он подъезжал, его встречал лай. Рейнджер, золотистый ретривер, любимец Майкла, всегда чувствовал приближение хозяина. Пес был единственным живым существом, которое осталось у Роберта в этом доме. Единственной ниточкой, связывающей его с прошлым, где они были счастливой семьей.

— Рейнджер! — позвал Роберт, открывая входную дверь.

Тишина.

Сердце пропустило удар. Роберт включил свет в прихожей. Пусто. Миска с водой была полной. Он прошел на кухню, затем вышел через заднюю дверь во внутренний двор. Дождь усилился.

— Рейнджер! Мальчик!

Луч фонарика выхватил что-то темное на газоне, возле старого дуба, где Майкл когда-то построил домик на дереве. Роберт подбежал ближе и замер. Воздух застрял в горле колючим комом.

Рейнджер лежал на боку. Его тело было неестественно изогнуто. Но самое страшное было не в позе. Самое страшное было в том, что с ним сделали. Это не было случайностью. Это не была машина. И это не было быстро.

Роберт упал на колени в мокрую траву. Он положил руку на еще теплую шерсть пса. Горло Рейнджера было перерезано, но перед этим... Роберт, видевший многое на войне, узнал следы. Ожоги. Переломы. Пса пытали. Его убивали медленно, методично, наслаждаясь процессом.

Это было послание. Четкое, недвусмысленное послание на языке ужаса. *«Мы можем добраться до всего, что тебе дорого. Мы не знаем жалости. Остановись, или следующее тело будет человеческим».*

Роберт поднял тяжелое тело собаки на руки. Он не мог оставить его здесь. Он отнес Рейнджера в машину, не обращая внимания на грязь и кровь на своей одежде. Он поехал к ветеринару — старому знакомому, который держал круглосуточную клинику в соседнем районе. Серый седан снова сел на хвост, словно стервятник.

В клинике было пусто. Доктор Стивенс, пожилой мужчина с добрыми глазами, осмотрел тело пса. Его лицо побледнело.

— Роберт... кто это сделал? — спросил он дрожащим голосом.

— Что ты видишь, Док? — голос Роберта был мертвым.

— Это... это садизм. Чистой воды. Ему вводили миорелаксанты, чтобы он не мог двигаться и сопротивляться, но чувствовал боль. А потом... — ветеринар сглотнул. — Они

использовали электрошокер. И нож. Это делал не зверь. Это делал человек, который знает анатомию боли. Это казнь, Роберт.

Роберт кивнул. Он знал этот почерк. Методы не изменились. Те же самые люди, которые говорят о «гуманизме» и «защите детей», способны на чудовищную жестокость, когда никто не видит.

— Кремируй его, Док, — сказал Роберт, положив руку на плечо ветеринара. — И забудь, что я здесь был. Если кто-то спросит — пес умер от старости.

— Роберт, тебе нужно в полицию.

— Полиция здесь не поможет. Это не преступление, Док. Это война.

Он вышел из клиники. Ярость, которая кипела в нем, теперь застыла, превратившись в холодную, расчетливую решимость. Они хотели его напугать. Они хотели показать, что у них нет границ. Но они совершили ошибку. Убив собаку, они уничтожили последний якорь, который удерживал Роберта Харрисона в рамках закона. Они освободили его.

Он вернулся в машину. Серый седан стоял через дорогу. Роберт посмотрел прямо на него. Он не видел лиц за тонировкой, но знал, что они смотрят. «Вы думаете, я жертва, — подумал он. — Вы думаете, я сломленный отец, который сейчас забьется в угол и будет плакать. Но вы забыли, кто я. Вы забыли Сомали. Вы забыли, чему меня учили».

Он вернулся домой. Теперь он действовал быстро и четко. Свет в доме не включал. Передвигался в темноте, по памяти. Спустился в подвал. Отодвинул стеллаж с инструментами. Вскрыл тайник в полу. Там лежал его «тревожный чемоданчик». Не тот, что выдают в ЦРУ, а личный. Пачки наличных — доллары, евро. Несколько паспортов на разные имена — качественные подделки, которые он сделал много лет назад «на всякий случай». Старый «Кольт» 1911 года и охотничий нож.

Роберт переоделся. Дорогой костюм аналитика полетел в угол. Джинсы, тактические ботинки, темная куртка. Он собрал все документы по расследованию. Жесткий диск с данными о FECRIS, флешка с информацией от Алии, дневник Майкла, телефон сына, ту самую брошюру. Все это отправилось в водонепроницаемый пакет.

Затем он прошел по дому. Он стирал следы. Уничтожил ноутбук, разбив жесткий диск молотком и залив кислотой из гаража. Сжег в камине все бумажные заметки, которые могли привести на его след.

Он понимал: Роберт Харрисон, сотрудник ЦРУ, умер сегодня вечером вместе со своим псом. Теперь был только Изгой. Человек без имени, без звания, без прав. Но с целью.

Он подошел к окну и осторожно выглянул сквозь жалюзи. Наблюдателей стало больше. К серому седану присоединился черный внедорожник. Они перекрывали выезд с улицы. Они ждали, что он сделает ошибку. Возможно, они ждали приказа на зачистку. Официально он был гражданским лицом в состоянии аффекта. Если он исчезнет или погибнет при «несчастном случае» (например, пожар в доме из-за неисправной проводки), никто не будет задавать лишних вопросов. Миллер спишет все на самоубийство от горя.

— Не сегодня, — прошептал Роберт.

Он знал этот район лучше, чем они. Он знал, что за задним двором есть старый дренажный канал, который ведет к лесополосе, а оттуда — к шоссе, где можно поймать попутку или угнать машину, которая не будет отслеживаться.

Он в последний раз оглядел гостиную. Взгляд задержался на фотографии на каминной полке. Майкл, Элизабет и он. Счастливые. Живые. Он взял фотографию, вынул из рамки и спрятал во внутренний карман, рядом с сердцем.

— Я вернусь, — пообещал он пустым стенам. — Но сначала я выжгу эту заразу.

Роберт выскользнул через заднюю дверь, растворяясь в дождливой ночи. Он двигался бесшумно, используя тени, как укрытие. Он прошел мимо места, где нашел Рейнджера, и на секунду задержался, сжав кулаки. «За Майкла. За отца. За Рейнджера».

Через десять минут он был уже в лесополосе. Он видел, как фары машин наблюдателей освещают фасад его дома. Они все еще ждали. Они думали, чтомышь в мышеловке. Они не знали, что мышеловка пуста, а охотник уже вышел на тропу.

Роберт вышел к шоссе. Дождь хлестал по лицу, но он чувствовал себя странно живым. Впервые за долгое время у него была ясность. Официальные каналы скомпрометированы. Закон на стороне врага. Значит, он будет действовать вне закона.

Ему нужно было в Европу. Туда, где сходились все нити. В Париж, в штаб-квартиру FECRIS. И дальше — на восток, к истокам этой идеологии ненависти. Но сначала нужно было исчезнуть. Стать призраком.

На обочине притормозил старый пикап. — Подбросить, приятель? — спросил водитель, пожилой мужчина в кепке. — До ближайшей станции, если не сложно, — ответил Роберт, садясь в кабину. — Погодка дрянь, а? — усмехнулся водитель. — От кого бежишь в такую ночь? Роберт посмотрел в боковое зеркало. Огни его дома исчезали в темноте. — От прошлого, — ответил он. — Чтобы спасти будущее.

Машина тронулась, увозя его прочь от Вашингтона, от могил и от лжи. Впереди была неизвестность. Впереди была Европа. И впереди была правда, которая, как он теперь знал, будет стоить дороже, чем жизнь. Но он был готов платить. Потому что человеку, который потерял все, больше нечего бояться.

Роберт закрыл глаза, и перед его внутренним взором всплыла карта с красными нитями. Теперь он видел их отчетливо. Они пульсировали, как вены огромного чудовища. И он знал, куда нанести удар. Последний выстрел еще не прозвучал. Но патрон уже был в патроннике.

Глава 12: Последний выстрел

Дорога на юг превратилась в размытую ленту асфальта, разрезающую ночь. Роберт Харрисон больше не был аналитиком из Лэнгли, привыкшим к комфорту бизнес-класса. Теперь он был призраком, скользящим по артериям Америки.

Он менял машины трижды. Сначала бросил угнанный в пригороде пикап на парковке огромного торгового центра в Ричмонде. Затем пересел на неприметный «Форд», купленный за наличные у сомнительного дилера в Северной Каролине. И,

наконец, последние двести миль до Атланты он преодолел на арендованном по поддельному удостоверению седане.

Атланта. Город, где всё началось. Город, где погиб его сын. И город, где пряталась его единственная союзница.

Роберт остановился в дешевом мотеле «Star» на окраине, где администратор за лишнюю двадцатку не просил документы. Из номера, пахнущего дешевым табаком и безысходностью, он отправил сообщение через зашифрованный мессенджер. Всего два слова: «Уэйко. Сейчас. Star.». Это был сигнал, о котором они договорились на случай крайней необходимости.

Пока Харрисон ждал Алию, он открыл файл с фотографиями страниц дневника сына. Он читал их уже десятки раз, но искал что-то конкретное. Даты. Смерть деда и через два дня скулшутинг. Разница в два дня. Классический паттерн.

Он начал читать записи за май. Почерк Майкла, обычно ровный, к этому времени стал рваным, дерганным. Буквы плясали, словно кардиограмма больного сердца.

«15 мая. Голоса громче. Они говорят, что я слаб. Что я привязан к этому миру цепями. Дед — это цепь. Он учил меня стрелять, чтобы защищать».

Роберт почувствовал, как холод пробирает до костей.

«17 мая. Завтра мы идем на реку. Старый мост. Он любит это место. Он говорит, что там тихо. Идеальное место для тишины».

Роберт открыл полицейский отчет о смерти Зенгера, который скачал, еще будучи в Лэнгли. *«Тело обнаружено в 500 метрах вниз по течению. Причина смерти: утопление. На затылке обнаружена гематома, предположительно полученная при ударе о каменистое дно или опору моста при падении».*

Гематома. Роберт увеличил фотографию с места происшествия. Старый деревянный мост. Перила низкие, но крепкие. Майкл Зенгер был крепким стариком, он отлично держал равновесие. Он не мог просто поскользнуться.

Роберт вернулся к дневнику. Последняя запись перед стрельбой в школе.

«18 мая. Сделано. Мы стояли на мосту. Он смотрел на поплавок. Он улыбался. Сказал: “Майки, ты станешь хорошим человеком, я горжусь тобой”. Я стоял сзади. У меня в рюкзаке был молоток. Но я не смог. Руки тряслись. Я просто толкнул. Сильно. Я слышал, как хрустнула его голова об опору. Он даже не крикнул. Он просто ушел под воду. Я смотрел, как круги расходятся. И вместе с кругами уходил мой страх. Теперь я пуст. Я готов».

Роберт выронил планшет. Он упал на бетонный пол ангара с глухим стуком, но экран не разбился. Светились слова: *«Я просто толкнул»*.

Его сын убил своего деда. Не выстрелил. Не использовал то оружие, которое они вместе чистили и смазывали. Он убил его предательством. Толчком в спину. В тот самый момент, когда старик говорил о гордости за внука.

Слезы, которые Роберт сдерживал последние дни, хлынули потоком. Это была не просто скорбь. Это было осознание чудовищной глубины падения. Те, кто программировал Майкла, знали, что делали. Они не просто дали ему винтовку. Они заставили его уничтожить свою душу за два дня до того, как он уничтожил свое тело.

Убийство деда было «предохранителем». Сняв его, Майкл уже не мог остановиться. Он перешел черту, за которой нет возврата. Школа была уже просто финальным актом, публичной казнью самого себя.

Роберт поднял планшет. Его руки дрожали, но ярость, закипающая внутри, начинала вытеснять боль. Он вспомнил статистику. Адам Лэнза (Сэнди-Хук) — убил мать перед тем, как пойти в школу. Джеффри Виз (Ред-Лейк) — убил деда. Сальвадор Рамос (Ювальде) — выстрелил в бабушку.

Это не совпадения. Это почерк. Это часть технологии «пазлового кодирования». Когда человек становится потенциальным биороботом-убийцей, этап, который позволяет работать программе, заложенной в подсознание — это обрывание его эмоциональных связей. Именно поэтому он убивает человека близкого ему.

— Вы заплатите, — прошептал Роберт в пустоту ангара. — За каждого. За Майкла. За отца. За всех детей, которых вы превратили в монстров.

Алия появилась через час. Она вошла в номер, стряхивая капли дождя с плаща, и сразу же заперла за собой дверь. Её глаза были тревожными.

— Ты жив, — выдохнула она, оглядывая его. — В новостях говорят, что ты сошел с ума. Что ты вооружен и опасен.

— Они убили Рейнджера, — глухо сказал Роберт, сидя на краю кровати. — Моего пса. Пытали его, чтобы отправить мне послание.

Лицо Алии побледнело, но в глазах зажегся тот же холодный огонь, что и у Роберта. — Они звери, Харрисон. Я говорила тебе. — Я знаю, кто они, — Роберт поднял на неё взгляд. — Я знаю всю схему. От Вашингтона до Парижа. И я знаю, что мы не сможем достать их отсюда. Система здесь полностью под их контролем.

Он встал и подошел к ней. — Я улетаю в Европу. Мне нужны ответы, и я выбью их из них, даже если придется перевернуть всю Францию, Данию, Италию и даже Россию. Но мне нужна помощь.

— Ты зовешь меня с собой? — она горько усмехнулась. — Бежать с сумасшедшим агентом ЦРУ?

— Я зову тебя закончить то, что ты начала. Ты потеряла дом. Я потерял семью. Нам нечего терять, Алия.

Она молчала несколько секунд, глядя в окно на мокрый асфальт. Затем кивнула. — Хорошо. Но как мы выберемся? Твое лицо во всех базах. Аэропорты нашпигованы камерами с распознаванием лиц.

— У меня есть план. И есть друг. Один из немногих, кто остался верен не флагу, а людям.

Роберт достал одноразовый телефон и набрал номер, который помнил наизусть еще со времен операций в Восточном Берлине.

— Сэм? Это «Художник»? Мне нужен холст. И краски. Срочно.

Сэмюэл «Художник» Уоллес был легендой в узких кругах. Бывший технический офицер Управления, он ушел на пенсию десять лет назад, осев в Атланте. Он

специализировался на изготовлении документов прикрытия («легендировании») такого качества, что даже сканеры АНБ не могли найти подвох.

— Нам нужно изменить внешность, — сказал Роберт, поворачиваясь к Алие. — Камеры ищут конкретные черты. Геометрию скул, разрез глаз. Ты ведь умеешь работать с гримом?

— Я работала визажистом, чтобы оплачивать учебу, пока не стала блогером, — кивнула она, открывая свою сумку. — Это не голливудский грим, но пару лет и другую биографию я нам нарисую.

Следующие два часа превратились в мастер-класс по изменению личности. Алия работала быстро и сосредоточенно. Она изменила тон кожи Роберта, добавила седины в виски, с помощью ватных тампонов и латекса чуть изменила форму челюсти. Очки в тяжелой роговой оправе завершили образ.

Когда Роберт посмотрел в зеркало, на него глядел не изможденный оперативник, а вальяжный, уверенный в себе бизнесмен средней руки.

— А теперь ты, — сказал он. Алия превратила себя в эффектную блондинку с ярким макияжем, который полностью менял восприятие её восточных черт.

Они добрались до мастерской Сэма в подвале неприметного дома в пригороде. Старик встретил их с дробовиком, но, узнав Роберта, лишь хмыкнул и отложил оружие.

— Ты выглядишь как дерьмо, Боб, даже под этим слоем штукатурки, — прохрипел Сэм, настраивая камеру. — Я слышал новости. Они хотят твою голову.

— Мне нужны паспорта, Сэм. Евросоюз.

— Сделаем. Кто вы теперь? — Мистер и миссис Вандербильт, — импровизировал Роберт. — Успешный инвестор в недвижимость и его молодая очаровательная супруга. Летим в Париж. Медовый месяц.

— Банально, — усмехнулся Сэм, щелкая затвором камеры. — Но чем банальнее ложь, тем легче в неё верят.

Через час документы были готовы. Паспорта, кредитные карты, страховка — всё выглядело безупречно. Сэм протянул Роберту конверт. — Удачи, призрака. Не дай им себя поймать.

Аэропорт Хартсфилд-Джексон гудел, как встревоженный улей. Это был самый загруженный аэропорт в это время года, идеальное место, чтобы затеряться в толпе, и одновременно — смертельная ловушка.

Роберт, одетый в дорогой костюм, купленный по дороге, шел под руку с Алией. Он чувствовал, как напряжены её мышцы, но внешне она улыбалась, щебеча что-то о магазинах на Елисейских полях.

— Не смотри по сторонам, — шепнул он ей, улыбаясь так, словно слушал самую смешную шутку в мире. — Мы — короли жизни. Нам нет дела до полиции.

А полиция была повсюду. У входов дежурили патрульные с собаками. В толпе мелькали люди в штатском с характерными "пружинками" наушников. Роберт бросил взгляд на огромный экран в зале вылета. Бегущая строка новостей прервалась экстренным сообщением. На экране появилось его фото — то самое, официальное, из досье ЦРУ.

«Разыскивается особо опасный преступник. Роберт Харрисон. Вооружен. Может страдать психическим расстройством».

— Господи, — выдохнула Алия, сжав его локоть. — Они смотрят прямо на нас. — Нет, — жестко ответил Роберт. — Они ищут беглеца. Загнанного, испуганного, в дешевой куртке. Они не ищут миллионера, который летит тратить деньги. Это психология, Алия. Эффект невидимости на виду.

Они подошли к стойке регистрации бизнес-класса. Роберт небрежно бросил паспорта на стойку, продолжая "разговор" с женой.

— Дорогая, я же говорил, что мы забронировали лучший отель...

Девушка за стойкой, уставшая и замотанная, даже не взглянула на него толком. Она проверила документы, дежурно улыбнулась и распечатала посадочные талоны. — Приятного полета, мистер Вандербильт.

Самое сложное было впереди. Зона досмотра. Там стояли агенты TSA и, чуть в стороне, двое мужчин в серых костюмах. Те самые «чистильщики». Они сканировали взглядом каждого мужчину подходящего возраста. Роберт почувствовал, как сердце замедляет ритм. Боевой режим.

— Смейся, — приказал он Алие. — Громко. Привлеку внимание к своей красоте, а не к моему лицу. Алия рассмеялась, поправив волосы. Один из агентов в сером скользнул по ней оценивающим взглядом, задержался на её ногах, потом перевел скучающий взгляд на Роберта. Роберт посмотрел на него в ответ — с легким высокомерием богатого человека, которого утомляют очереди. Агент отвел взгляд. Пазл не сложился. Программа распознавания в голове агента искала «жертву», а увидела «хозяина жизни».

Они прошли рамку. Ничего не запищало.

— Мы прошли, — прошептала Алия, когда они оказались в зоне дьюти-фри. Её руки дрожали.

— Еще нет. Только когда шасси оторвутся от полосы.

Они сели в самолет первыми. Шампанское, предложенное стюардессой, казалось кислым. Роберт смотрел в иллюминатор на огни Атланты, расплывающиеся в дожде. Где-то там, внизу, осталась могила его сына. Остался пепел его собаки. Осталась его прошлая жизнь, разрушенная людьми, которые считали себя архитекторами реальности. Самолет дрогнул и начал разбег. Вжимающая в кресло сила показалась Роберту символом. Силой, которая толкает его неизбежно вперед, к столкновению.

— Мы сделали это, — сказала Алия, когда лайнер пробил облачность и вышел в чистое ночное небо. — Это только начало, — ответил Роберт, глядя на черную бездну за стеклом. — Мы летим в их логово. И мы не вернемся, пока не разрушим его до основания.

Он закрыл глаза. Второй том его жизни был открыт. И он будет правдой о тех, кто посмел играть с разумом его ребенка.

Продолжение следует...